

Последний Тёмный

16+

Таис Сотер

Таис Сотер
Последний Тёмный

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сотер Т.

Последний Тёмный / Т. Сотер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Не слишком тёмный маг пытается спастись от не слишком святой инквизиции, попутно отмахиваясь от заботы любящих родственников. Лукрецию Горгенштейну не повезло родиться с даром к тёмной магии, и это могло стать для него приговором. Ведь Тёмных магов веками изничтожали, опасаясь их странной и опасной силы. И вот он - последний в мире Тёмный маг. Враг, добыча. И очень ценный союзник. Его будут пытаться убить или переманить на свою сторону - но никогда не оставят в покое. Примечания автора: Фэнтези, приключения, семейная сага. События книги вертятся вокруг нескольких главных героев.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/ru/мальчик-человек-молодые-детские-1035485/> по лицензии ССО.

Глава 1

Лукрецию Горгенштейну было пятнадцать, уже не ребёнок, но ещё и не взрослый, когда он окончательно понял, что всё, что происходит в его жизни, его совершенно не устраивает. Жизнь была полна разочарований, он знал это ещё с ранних лет, вот только надеялся, что когда вырастет и станет более самостоятельным, ситуация исправится. Но стало ещё хуже.

Начало было положено ещё в детстве. Ему достались совершенно не те родители, которых бы он хотел. Они были скучными, занудными обывателями: отец торговцем, мать происходила из семьи ремесленников средней руки. Зажиточные, почтенные горожане, знающие, как добыть себе хлеб и обеспечить своё многочисленное потомство так, чтобы никто ни в чём не нуждался. Отец семейства, постоянно занятый своими делами, и его жена, рожающая по ребёнку в год, и от того сильно поправившаяся – к рождению своего последнего, тринадцатого ребёнка она действительно весила немало, и нежно любящий муж уже давно не пытался поднять свою дражайшую супругу на руки.

Излишней фантазией оба родители не страдали, называя своих детей первыми попавшимися именами, которые они считали достаточно благозвучными. Шесть девочек: Анна, София, Тати, умершая ещё в младенчестве, Августина, Миранда и Кристабель. Семь мальчиков: Томас, Равель, Лавель, Августин (совершенно никакого воображения!), близнецы Марк и Карл и он сам, несчастный младший ребёнок по имени Лукреций. Тут, конечно, родители сильно просчитались. Им, видимо, представлялось, что их младшенький сын будет под стать святому Лукрецию из Прангора, известному своей скромностью и благочестием, а также тем, что разговаривал с козами и овцами (как будто это было признаком святости, а не безумия!), вот только их ожиданиям не было суждено сбыться. Лукреций рос ребёнком замкнутым и угрюмым, и, даже по мнению нежно любящей своего младшенького матушки, не слишком добрым. Нет, Лукреций не был склонен к жестокости – он не мучил кошек, не отрывал бабочкам крылья, и не обижал соседских детей. Зато мог спокойно пройти мимо, когда этим занимались другие, и даже понаблюдать – из чистого любопытства. Понятия сострадания, справедливости, милосердия ему, казалось, были абсолютно чужды. Лукреция интересовали куда более высокие материи. Таинственные, загадочные знаки, иногда просачивающиеся сквозь тонкую границу небытия в наш мир.

Он мог часами глядеть в ночное небо. И ладно бы его интересовали сияющие звёзды или романтично полная луна, под которую так хорошо мечтается. Нет, он как будто нарочно выбирал самые пасмурные, самые тёмные ночи, и часами пялился в беспросветную мглу небесной тверди, выбираясь на крышу дома.

В отличие от других детей, он не боялся остаться одному в тёмной, закрытой комнате. Наоборот, как только у него появлялась такая возможность, он тушил все свечи и лампы, плотно закрывал оконные ставни, и, забравшись с ногами на кровать, слушал тишину.

Лукреций был влюблён в Тьму, и она, кажется, отвечала ему взаимностью.

Самого младшего в семье Горгенштейнов избегали братья и сёстры, находя его странным, а соседские ребяташки дразнили его за спиной, впрочем, боясь сказать тоже самое ему в лицо. Родители уже начали беспокоиться, что Лукреций никогда не найдёт себе приятеля по играм, не говоря уж о друге.

– Знаешь, с кем он играл, когда ему было три года? Думаешь, с Кристабель, Марком или Карлом? Нет! Когда они пытались к нему подойти, он их просто щипал! – жаловалась почтен-

ная мать семейства своей подружке. – Мы завели ему щенка – ты же знаешь, как детишки любят животных, но он даже на него не посмотрел!

– Что, неужели он привязался к кукле? Или у него был невидимый друг? – хмыкая, спросила подружка. У неё был всего лишь один ребёнок, совершенно беспроблемный, и на многочисленное семейство Горгенштейнов она смотрела с некоторой долей снисходительности.

– Нет. Лука играл с собственной тенью! В догонялки, салки, мячик, и даже разговаривал с нею, как будто она живая!

– Что, до сих пор разговаривает? – поинтересовалась соседка с поддельной участливостью. – Большенький он уже у вас. Сколько ему? Четырнадцать?

– Двенадцать, – вздыхает госпожа Горгенштейн. – Нет, он сейчас даже с тенью не дружит.

– А куда ходит постоянно? Может, у него друзья появились в другой части города?

А ведь действительно, домашний, абсолютно тихий мальчик в последнее время стал постоянно куда-то пропадать. Допытаться, куда он ходит, было абсолютно невозможно. Наконец, мать семейства, изведаясь от беспокойства за своего младшенького, решила заручиться поддержкой других своих сыновей. Гораздо более нормальных, чем Лукреций, и в то же время отчаянно любопытных и непоседливых.

– А-а-а, – потянул Марк, вытирая сопливый нос рукавом рубашки, которая ещё утром была совсем чистой. – Лука нужен? Лука ушёл. С обеда его не видели.

– Не видели, – подтвердил близнец Марка, Карл. – Как пообедали, так и не видели. Ушёл, значица.

– Это я поняла. А куда ушёл? – терпеливо спросила госпожа Горгенштейн.

Близнецы хитро переглянулись, и синхронно пожалы плечами.

Матушка хмуро на них посмотрела, и сердито топнула ногой:

– Чтобы вы, и не знали? Вы всех мышей из кладовки поимённо знаете, что соседка на ужин ест, знаете, а куда Лука ходите, нет? Что вы от меня добиваетесь, паразиты?

– Материальной поддержки, – спрятавшись за спину более высокого и крепкого Карла, сказал Марк.

– Пару медяшек, – поддержал его брат.

Карл ткнул того костяшками пальцев:

– Серебряник лучше. Нам это... для важного дела.

– А важное дело у нас это что? – с подозрением спросила матушка. – Не ярмарка случайно? Ладно, будет вам серебряник, если про Луку узнаете.

– А чего тут узнавать? – пожал плечами Марк. – На кладбище он ходит заброшенное, к западу отсюда.

– И что он там делает? – ужаснулась госпожа Горгенштейн, представив как её хилый, слабый сыночек бродит среди старых, прогнивших могил.

– Болтает с трупаками, – хихикнул Карл. – Каждый божий день, и будь я проклят, если они ему не отвечают!

– Карл, не богохульствуй! – приструнила его мать, с ужасом представляя, что скажут соседи, если узнают о том, что её сын каждый день шатается на кладбище. А что будет, если узнают в Церкви! – Нам нужно это прекратить!

– Побить его?

– Запереть в чулане? – подхватил Марк.

– Не, там темно. Лучше заставить его на солнышке жариться. Он же как упырь, света солнечного не любит.

– А он не рассыплется прахом? Он хоть и упырь, но всё-таки родственник...

– Не говорите так о младшем брате! – возмутилась матушка. – Не надо его бить. Я поговорю с Лавелем. Может, он его урезонит.

Если старший сын Горгенштейнов, Томас, выбрал, как и отец, стезю торговли, то третий сын, Лавель, будучи с самого детства благочестивым и набожным, решил посвятить свою жизнь Богу. Сейчас он учился на предпоследнем курсе духовной семинарии, и, сам Епископ Бромель покровительствовал талантливому студенту.

Лавель, вернувшийся домой на выходные (такая награда ему была дана за его примерное поведение и не свойственную юношам рассудительность), с удивлением слушал взволнованный рассказ матери.

– С могилами, значит, разговаривает? – переспросил он. – Может, Марк и Карл просто выдумывают? Вы же их знаете, матушка.

– Если бы, – вздохнула госпожа Горгенштейн. – Я тут проверяла карманы его штанов, и знаешь, что я обнаружила? Знаешь?!

– Не имею ни малейшего представления, – обречённо вздохнул Лавель, ожидая услышать "ужасающую" историю о дохлой мыши.

– Кость! Человеческую кость! Эту... с пальца.

– Вы уверены?

Матушка обиженно надулась, и Лавелю пришлось долго убеждать её, что он ей верит, просто сам поражён и шокирован поведением своего младшего брата.

– Я с ним поговорю. Сейчас же поговорю! Немедленно! – поднялся поспешно Лавель, будучи неуверенным, что может выдержать ещё одну истерику матери. – Где он сейчас? На кладбище? Иду туда. Нет, меня не надо сопровождать. Нет, пусть Томас сидит за своими бумагами. И отцу не надо ничего говорить... Матушка, неужто вы думаете, что Лука мне что-то сделает?

– Иногда я думаю, что родила дьявола! – зарыдала госпожа Горгенштейн.

Лавель поморщился:

– Да бросьте. С чего бы ему быть дьяволом? Батюшка же не шакал, да и вы не блудница...

Поймав разъярённый взгляд матери, уязвлённой до самой глубины души, Лавель предпочёл ретироваться.

До заброшенного кладбища, расположенного в старой части города, было идти около получаса. Так что Лавелю вполне хватило времени подумать, что же делать с младшим братом. Нет, конечно же, дьяволом Лука не был, да и вселение демона маловероятно. Лавель бы заметил – одержимых ему уже приходилось видеть. Обычный мальчишка со своими причудами. Нужно только объяснить братишке, что его поведение бросает тень на семью, и указать на то, сколь опасна и скользка его дорога, далёкая от душеспасительного пути. Может быть, показать врачу. Вдруг у Лукреция это просто нервическое, и прописанные успокоительные капли ему помогут.

Ворота кладбища, как и ожидалось, были закрыты, но ведь должен же Лука как-то попасть внутрь? Спустя недолгие поиски Лавель нашёл кусок разломанной стены, сквозь которую мог пролезть не только тощий мальчишка, но и даже упитанный юноша, каким он, Лавель, к несчастью являлся. Внутри кладбища, было ожидаемо мрачно и грязно. Потемневшие от времени и покосившиеся символы Иеронима, полуразрушенные могильные плиты и обломки статуй. Сухие ветки трещали под ногами, и этот звук казался удивительно громким в кладбищенской тиши.

Можно было попробовать позвать негодного мальчишку, вместо того, чтобы искать его по всему кладбищу, но атмосфера кладбища настолько сильно давила, что Лавелю даже говорить не хотелось, не то, что кричать. Будь его воля, он бы и вовсе отсюда ушёл, слишком уж тревожно было среди старых могил и корявых, причудливо изогнутых стволов деревьев. Сжав в руках чётки, Лавель стиснул зубы и упрямо зашагал вперёд по тропинке, казавшейся наиболее чистой.

Чутьё не подвело молодого семинариста. Где-то минут через пять он нашёл Луку, почти полностью скрытого высоким надгробием. Лукреций над чем-то склонился и увлечённо изучал, бубня себе что-то под нос. Лавель, хоть и был настроен скептически, всё же насторожился: – уж не проклятие ли какое затеял его младший братец? Среди народа было много еретических суеверий, и большинство из них были не опасны и просто не действовали. Но некоторые... некоторые из них действительно могли сотворить зло.

Подкравшись сзади, Лавель цепко схватил мальчишку за ухо, поднимая его вверх.

– Что это ты тут делаешь, Лукреций?

Лука дёрнулся, и пискнул от боли. Лавель тут же ослабил хватку, но держать мальчишку не перестал. Мрачно оглянув место действия, он тут же подметил, что та могила, над которой разместился малец, сильно отличалась от других: она была чисто подметена, железная ограда свежеекрашена, а сорная трава прополота.

– Ну? – тряхнул он его ещё раз. – Что это за культ почитания умерших устроил?

Мальчишка тяжело вздохнул, и всё же признался. И чем дальше он говорил, тем задумчивее становился вид его брата. Картина вырисовывалась на редкость странная.

Лукрецию, который очень любил читать, как-то попалась книга по истории города. И в ней было несколько глав посвящено нынче заброшенному западному кладбищу, на котором, в старину хоронили не бродяжек каких-то, а самых что ни на есть почтенных горожан и местных знаменитостей. Аристократов, меценатов, известных музыкантов, писателей и магов. Один из последних как раз и заинтересовал Лукреция.

Тобиас Гохр, колдун давно ушедшей эпохи великих магистров. Говорят, что человеком он был странным, замкнутым и вздорным. Более того, говорили, что Гохр занимался тёмными искусствами: некромантией, вызовом душ умерших, кровными проклятиями. Но за руку почтенного магистра никто поймать не мог. Да и не боялись тогда чернокнижников так, как сейчас, закрывая глаза на их прегрешения против небес. Что уж говорить, если даже сильные мира сего прибегали к тёмным искусствам, а Церковь не сразу смогла определиться с тем, являются ли тёмные искусства святотатством. Лишь на Соборе в Орхиссе, спустя несколько лет после смерти Тобиаса Гохра, вынесено было решение, что подобная магия не совместима с основами веры, и постепенно тёмное искусство сошло на нет, и позабылось.

Лукреция, любящего мрачные тайны и секреты, не могла не заинтересовать загадочная фигура Тобиаса Гохра и легенды, связанные с его жизнью и, что было особенно загадочным, его посмертием. В книге писалось, что на месте, где был похоронен Тобиас Гохр, то и дело происходили странные вещи, а особо чувствительные почитатели старины, решившие лично полюбоваться на старое погребение, даже падали в обморок от страха, который возникал у них помимо их воли.

Лавель тоже слышал упоминание о могиле магистра Гохра. Один из монахов пытался добиться, чтобы давно умершего еретика и чернокнижника перезахоронили за чертой кладбища, а ещё лучше, сожгли бы его кости, но к нему особо никто не прислушивался. Какое всем было дело до позабытого всеми мага, жившего более двух сотен лет назад? А вот, оказалось, было. Лавель сейчас жалел, что поднимал на смех спятившего монаха. Сейчас бы не пришлось ловить брата у могилы Гохра.

– Хорошо, – мрачно сказал Лавель, пригладив тёмные вьющиеся волосы рукой, и утомлённо прикрыл глаза: – ну нашёл ты могилу мага. Дальше что? Зачем тебе все эти... ритуалы?

– Не было никаких ритуалов, я просто пытался с ним поговорить.

– Что пытался сделать? – переспросил Лавель, надеясь, что он ослышался.

– Поговорить, – спокойно повторил Лука. – Магистр Гохр всё время что-то шепчет, но слишком тихо, чтобы я мог его понять. И слова не все знакомые.

– Тобиас Гохр мёртв, Лукреций, – пытаюсь скрыть нарастающий ужас, сказал молодой семинарист, и невзначай провёл ладонью по лбу младшего брата, проверяя, нет ли у того жара. Но лоб был прохладным, а глаза Луки ясными и спокойными.

– Я знаю. Он сам мне об этом сказал, когда ещё я мог его слышать. Магистр вообще очень обрадовался, когда я сюда пришёл в первый раз. Сказал, что у меня есть особый дар, и я могу его развить. Только в последнее время ему всё сложнее говорить. Я взял часть его костей, как он мне сказал, чтобы сделать нашу связь сильнее, но они пропали из моего кармана, и теперь стало ещё хуже.

– Прекрати! Прекрати говорить об этом! – не выдержал Лавель. – Мне надо подумать. Пойдём домой. И не думай кому-нибудь рассказывать, что ты здесь делал, если не хочешь, чтобы тебя признали сумасшедшим, или, не дай бог...

Он запнулся, но Лука спокойно договорил за него.

– ... чернокнижником? К этому плохо отнесутся?

– Ты даже не представляешь, насколько, – заверил его старший брат. – Особенно если узнают маги и клирики.

– Но ты ведь им не скажешь? – наконец-то хотя бы немного растроужился брат, но совсем не по той причине, по которой думал Лавель: – меня же заставят после этого стоять на всех службах в храме, а у меня после ваших песнопений голова болит и глаза слезятся. Не люблю ходить в церковь.

"Чернокнижник", – обречённо подумал семинарист. Его младший брат был одним из тех, кого так яростно, наравне с язычниками и еретиками, клеймила святая Церковь Иеронима. И едва ли Лука, если о нём узнает священноначалие, отделается лишь епитимьёй. Скорее всего, его запрячут до конца жизни в казематы одного из монастырей и сделают всё, чтобы юный чародей как можно быстрее окинул этот мир, не успев привнести в него грех тёмной магии. И даже Коллегия магов не посмеет вмешаться.

Лучше всего было бы выпороть мальчишку, и приказать ему навсегда забыть о случившемся, но Лавель был одним из лучших учеников семинарии, и немного разбирался в теории магии, чтобы понимать: магический дар, один раз проявившись, уже нельзя затушить. И что Лука, если его не учить владеть своей магией, скоро станет опасен для себя и других. Однажды Лавелю приходилось быть свидетелем того, как успокаивали юного мага, почти подростка, не справившегося со своей силой и сошедшего с ума. И ведь дар то у него был обычный, даже средненький. А что будет, если проблемы с силой начнутся у юного чернокнижника, уже в двенадцать лет общающегося с духом умершего магистра?

Спасать нужно было не только брата, но и всю семью от него. Но разве мог он сдать родного брата церковным властям, зная, что они с ним сделают?

Решение пришло к Лавелю уже дома. Он сам будет обучать брата магической науке, стараясь держать его подальше от тёмного колдовства. Конечно, сам он совсем не маг, но зато мог бы достать в семинарии несколько книг по магии, и тот занимался бы по ним под его, Лавеля, контролем.

Лук отнёсся к этому скептически, но Лавель был настойчив.

– У нас нет выбора, – твёрдо сказал он. – Твой дар нужно контролировать. В следующую неделю, когда я вернусь из семинарии, я принесу с собой нужные книги, и мы начнём заниматься.

– А тебе их дадут? – практично спросил Лука, и Лавель, почесав в затылке, признался, что объяснить свой внезапный интерес к учебникам по магии будет непросто, так что, возможно, действовать придётся тайно.

Так и появилась у Лавеля и самого младшего сыновей семейства Горгенштейн общая тайна. Матушка просто нарадоваться не могла: наконец её младшенький под приглядом, и не в компании сорванцов Марка и Карла, а рядом с надёжным и правильным Лавелем.

А Лавель, скрывая от своих учителей правду о том, что происходит у него дома, и незаконно таская Лукрецию книги, с трудом выносил необходимую в этом случае ложь, что отрицательно складывалось на его успехах в семинарии. А ещё этот Лука! Учить контролировать его, не владея самому и крупицей магии, было и так тяжело, так и ещё брат оказался не из лёгких учеников.

– Я же говорил тебе, – шипел юноша на Лукреция, – я же тебе ясно сказал – ты должен был прорастить это зерно, а не превращать его в прах. Неужели это так сложно?

Они спрятались в тени старого дерева, в саду, располагавшемся на заднем дворе дома. Перед Лавелем была раскрыта на одной из первых страниц потрёпанный учебник по природной магии. За последние два часа они так и не достигли успеха, и это выводило обычно спокойного студента из себя.

Лукреций равнодушно поднял на него немного раскосые, в мать, синие глаза, и стряхнул с руки то, что осталось от семечка.

– Я не особо понимаю эту магию природы. Не люблю всякие растения. Зачем я должен это учить?

– А ты что, хочешь демонов призывать, бесовское ты отродье?!

Лавель всё таки не выдержал, и отвесил младшенькому подзатыльник. Тот сердито засопел, но смолчал.

– Давай ещё, – приказал ему Лавель.

Видимо, Лавель был не так уж и осторожен, потому что через месяц после бесплодных попыток научить чему-то брата, ценой собственных нервов и спокойных ночей, его вызвал к себе его покровитель и исповедник, епископ Бромель.

– Я слышал, Лавель, что прилежание и интерес к учёбе у тебя пропал. Ты всё ещё собираешься принимать духовный сан, или сейчас иные страсти владеют твоим сердцем? – сразу перешёл к делу епископ, худой, бесцветный мужчина лет шестидесяти.

Лавель покраснел, поняв, к чему тот клонит. Подумал, наверное, что у него появилась девушка, и он тайком к ней бегаёт.

– Я полностью предан матери Церкви, отец Доминик, и уверен в своём пути. Вы знаете, я равнодушен к мирским радостям.

Бромель благодушно усмехнулся:

– Никто не может быть равнодушен к искушениям сего мира, даже самые праведные из нас, хотя мы и пытаемся преодолеть свою падшую природу. Но сейчас я говорю не о плотских искушениях, а о более страшных, духовных. Мне бы хотелось, чтобы ты объяснил мне это.

На дубовую столешницу упала потрёпанный толстый томик, в котором Лавель с ужасом узнал один из учебников магии, который он спрятал для брата. Он взирал на доказательство своей вины и не мог вымолвить ни слова. Наконец Доминик Бромель прервал тишину.

– Это нашли у тебя в комнате. У тебя обнаружился магический дар, сын мой?

Церковники, хотя и мирились с необходимостью существования магов, но недолюбливали их. До такой степени, что не брали в свои ряды людей, обладавших даже зачатками колдовского дара. Будь их воля, клирики, вслед за тёмными искусствами, запретили бы и остальную волшебную магию, но на данном этапе это неизбежно привело бы лишь к расколу внутри общества и обострило бы и так непростые отношения с Коллегией магов.

Лавель облизал пересохшие губы и отвёл взгляд, рассматривая картину на стене. На картине Иероним величественным движением руки отправлял грешников в ад, и молодой Горгенштейн практически видел себя на месте одного из несчастных.

– Нет, я не владею магией, Ваше Святейшество, – наконец сказал он. Врать епископу было не только сложно, но и опасно – тот был достаточно щепетилён, чтоб проверить слова своего ученика, и в случае обмана, применить к нему самые жесточайшие кары. Бромель, хотя

и славился своими достаточно широкими взглядами и милосердием, к тем, кто его подводил, был суров и непреклонен.

– Так для чего вам эта мерзость, которую мы храним у себя лишь для ознакомления со степенью падения магикусов, возомнивших, что они властны над законами этого мира?

– Мой... у моего младшего брата обнаружился магический дар, – выпалил Лавель, надеясь, что отец Доминик не пойдёт дальше. Но тот, как гончая, уже взял след.

– Насколько я помню, в таких случаях ребёнка необходимо показать одному из представителей Коллегии магов, чтобы тот определил степень его дара, и принял решение о необходимости дальнейшего обучения магии. Вы это сделали?

– Нет. Я учу его сам. По большей части контролировать свой дар, если честно, – бледно улыбнулся Лавель, понимая, как нелепо это звучало.

Магии может научить только маг, это знал любой обыватель, и он, наверное, со стороны выглядел глупым, или, что ещё хуже, жестоким, калеча родного брата своими попытками его учить.

– Мне кажется, мой мальчик, ты что-то скрываешь от меня. И что же мне с этим делать? По-хорошему, надо бы отчислить тебя за величайшую глупость из семинарии, и сообщить о твоём брате в Коллегию. Но я хочу дать тебе ещё один шанс. Ты говоришь мне всю правду сейчас, или я официально завожу дело о проверке твоей благонадёжности, и твоя тайна всё равно будет раскрыта. Будет очень обидно, если такой великолепный студент, как ты, вылетит из семинарии перед последним курсом.

И Лавель сломался, путанно, перемежая свою речь с самооправданиями и мольбами о прощении Лукреция, исповедуясь о страшном даре своего брата. Дослушав Горгенштейна до конца, Бромель задумчиво потёр переносицу сухими тонкими пальцами.

– Да, наворотили вы дел. Хорошо хоть, беды никакой не произошло.

– Что теперь будет с Лукрецием? – тревожно спросил Лавель.

Отец Доминик кинул на студента внимательный взгляд.

– Ты волнуешься о судьбе своего брата, а не о своей. Это хорошо, значит, помыслы твои чисты и бескорыстны. Приведи его завтра на мессу, хочу на него взглянуть.

Лавель сник. Вот и всё, сгниёт его непутёвый братец в казематах. Но Бромель в очередной раз удивил его.

– Неофициально, конечно же. В таком деле не стоит выносить поспешных суждений. Может быть, и не грозит твоему брату ничего. Он ещё очень юн. И скверна не должна глубоко поселиться в его душе.

– Благодарю, Ваше Святейшество.

Тот махнул рукой:

– Иди уже, и не вздумай прятать своего брата или способствовать его побегу.

– Нет, что вы... я ни за что... – залепетал Лавель, но тот уже не обращал на него внимания, целиком уйдя в свои бумаги.

Семинарист вышел за дверь, и облегчённо вздохнул. В конце концов Бромель был не так уж и плох, и можно было надеяться, что раз уж он так спокойно отнесся к тому, что Лавель скрывал юного мага от Коллегии и матери-Церкви, то и к Лукрецию он будет снисходителен. Может быть, Лука действительно отделается епитимьёй, а его тёмный дар можно будет как-то уничтожить?

Объяснив матушке, что он хочет для пользы Луки взять его с собой на службу в семинарию, Лавель самостоятельно проследил, чтобы его брат следующим утром выглядел подобающе: уши вымыты, непослушная копна волос аккуратно уложена, ботинки начищены до блеска.

– Маленький ангелочек, – растроганно всхлипнула госпожа Горгенштейн, поправляя воротник мрачного, явно невыспавшегося Лукреция.

Тут она, конечно, сильно преувеличила. Мальчик, конечно, не был лишён некоторого очарования, со своими задумчивыми синими глазами, тёмными кудрями и тонкими, изящными чертами лица, доставшимися ему от матери. Даже немного крючковатый, как у всех Горгенштейнов, нос, не портил его внешность, а придавал ему особую изюминку. Но мальчик казался милым лишь только до того мгновения, пока он не открывал рот, выдавая очередную гадость. Хорошо хоть, что делал он это, то есть высказывал своё мнение, не так уж часто.

Лавель тащил Лукреция за руку по улице, не обращая внимание на то, что тот едва за ним поспекает.

– Куда мы всё-таки идём?

– На утреннюю мессу, я же сказал, – раздражённо произнёс Лавель.

– А затем? – проницательно спросил Лука.

– А затем, – Лавель вздохнул, и чуть замедлил свой шаг, – затем я познакомлю тебя с епископом Бромелем. Он всё узнал, и теперь хочет тебя видеть.

Лукреций резко остановился, и Лавель, подавив ещё один тяжёлый вздох, повернулся к нему. И удивился, впервые за несколько лет увидев в глазах брата какое-то подобие страха.

– Всё будет в порядке. Я не дам тебя в обиду, Лука, – сказал семинарист наконец, стараясь не показывать, как боится он сам.

Сейчас они, столь разные во всём, набожный, чувствительный Лавель и тихий, сам себе на уме, Лукреций, пожалуй, впервые в жизни почувствовали своё родство.

Наконец мальчик кивнул, придя к какому-то для себя решению.

– Хорошо, идём.

Лавель перевёл дыхание. Тащить упрямого и упирающегося мальчишку на себе ему не хотелось.

На мессу они всё-таки опоздали, так как Лука плёлся как на казнь, но может быть, это и к лучшему, так как стоило только ему войти под своды храма, как лицо его перекосила болезненная гримаса. Епископ, ведущий службу, заметил Лавеля и благожелательно ему кивнул, мальчик же, особенно его состояние, удостоились более пристального внимания.

– Потерпи, меньше часа осталось, – шепнул Лавель ожесточённо трущему виски брату, стараясь не обращать на любопытные взгляды монахов, семинаристов и прихожан. Уж не чувствуют ли они в Луке тёмный дар? Ещё не хватало, чтобы Луку при всех обозвали бесовским отродьем.

Как будто чувствуя беспокойство Лавеля, отец Доминик значительно сократил службу, чем вызвал удивлённый ропот прихожан. Бромель был известен тщательным следованием правилам.

Проведя двух растерянных Горгенштейнов в свои личные покои, Бромель закрыл на замок дверь в свой кабинет.

– Ну-ка, молодые люди, посмотрим, что тут можно сделать.

Из железного сейфа у окна была извлечена металлическая шкатулка, из которой со всей предосторожностью был вытасчен камень, размером с крупную гальку. Камешек на вид был гладким и полупрозрачным. Внутри него, казалось, клубилась сама тьма, хотя края всё ещё сохраняли молочно-голубоватый цвет. Лука зачарованно склонился над магическим камнем и протянул к нему руку, стремясь схватить, за что тут же был бит по пальцам старшим братом.

– Не трогай, – прошипел Лавель.

– Ну что ты, – с обманчивым благодушием цепко наблюдая за Лукой, промолвил епископ. – Пусть берёт, не стесняется. Ничего плохого не произойдёт.

Лука, почувствовав фальшь в голосе отца Доминика, сделал шаг назад и убрал руки за спину.

– Что это? – с недоверием спросил он.

– В народе эту полудрагоценную поделку называют лунным камнем за его цвет. Но сейчас, как ты видишь, он несколько изменился. Это от того, что он впитал в себя кусочек тёмной

силы, магии, которой на сегодняшний день в нашем мире почти не осталось. И которой, как считает твой брат, владеешь ты. Возьми его в руки, не бойся. Если ты не обладаешь способностью к тёмным искусствам, ничего не произойдёт.

– А если обладаю?

– То тогда ты сможешь высвободить её наружу. Но не бойся. Тьмы в камне совсем мало, она не сможет никому причинить вред.

Лука осторожно коснулся камня кончиками пальцев.

– Тёплый, – удивлённо сказал он. – Это даже приятно.

Бромель поощрительно кивнул, и лунный камень оказался на ладони мальчика.

И ничего не произошло. Лавель уже успел пережить облегчение от того, что он ошибался в своих выводах, приняв фантазии ребёнка за реальность, и смущение, что отвлёк своими глупостями отца Доминика. Но тут тьма в камне зашевелилась, разрастаясь.

– Как её вытащить наружу, эту тьму? – катая камешек в пальцах, спросил Лука отца Доминика.

– Я думал, это произойдёт само собой – немного растерянно сказал тот, не отрывая горящего взгляда от лунного камня в руках мальчика.

– Попробуй, как я тебя учил с зерном. Представь, как оно прорастает на поверхность, освобождаясь от оболочки, – подсказал Луке брат, хотя он уже сомневался, что ему стоило слушать епископа Бромеля. Зачем выпускать даже кусочек, осколок тьмы, в мир? Разве это правильно?

Но и Бромелю, и Лукрецию, было наплевать на его сомнения. Потому что на руке мальчика распускался цветок с черными лепестками, растущий из ставшего вновь голубым камня. Но это продолжалось лишь миг – а затем он медленно развеялся в воздухе, оставив после себя лишь лёгкую тёмную дымку, которая расползлась клочками тумана и затем исчезла.

Наконец епископ прокашлялся, и подойдя к секретеру, разлил дрожащими руками вино по двум бокалам, не забыв о своём ученике, глотавшего воздух открытым ртом.

– Что же, – сказал он, – Склонность этого юноши к тёмным искусствам несомненна. Весьма опасный, и редкий дар. Жалко, если он окончательно пропадёт из-за чрезмерно осторожных и пугливых братьев по вере. Вы, юноша, достойны большего. Вы не хотели бы более серьёзно изучать магическое искусство, Лукреций?

Такого предложения ни Лавель, ни Лука не ожидали. Они растерянно переглянулись.

– Но ведь тёмные искусства запрещены, – прямо сказал Лука то, о чём подумал Лавель.

– Я думаю, мы сможем обойти этот запрет, – по губам Его Преосвященства скользнула змеиная улыбка. – Церкви об особенностях дара Лукреция знать совсем не обязательно, а с магической Коллегией я как-нибудь разберусь. У меня есть там знакомый, который мне многим обязан...

Глава 2

Ждать обещанной встречи с магом из Коллегии пришлось ровно неделю, хотя, по словам Бромеля, нахождение необученного тёмного мага в миру было похоже на подожжённую пороховую бочку, готовую взорваться в любой момент. Но обстоятельства отношений между Церковью и Коллегией не позволило назначить встречу раньше – слишком уж подозрительно бы выглядел маг, по-дружески заглядывающий к епископу. А тут это совпало с праздником святой Вефелии.

Вефелия Добрая была не только известной ревнительницей за веру, но и первой, кто признал в магах не исчадий ада, не имеющих души, а таких же, пусть и заблудших, но всё же чад Церкви, которых лишь стоило направить на истинный путь. То есть если до её миссионерской деятельности религиозные фанатики просто топили и сжигали проклятых колдунов, то

после просветительной деятельности Вефелии они ещё их и пытали, чтобы очистить их душу и помочь попасть в рай. Понятное дело, что к Вефелии Доброй маги после этого не испытывали особо тёплых чувств, давая ей достаточно обидные прозвища. Но века шли, и отношения между Церковью и магами постепенно улучшались, а после истребления чернокнижников и вовсе стали мирными. Церкви нужен был символ добрососедских отношений, и они недолго думая, вспомнили о Вефелии. И маги, скрипя зубами и не имея иной альтернативы, согласились. И теперь, в праздник святой Вефелии, высшие церковные чины молились за благоденствие магов, а маги неохотно посещали праздничную службу. А затем, вечером, устраивали для горожан магические представления о жизни тех или иных святых. Хотя истории о святой Вефелии они всё же упрямо игнорировали.

В выходной день Лукреций и Лавель вновь посетили службу. И, к большому неудовольствию Луки, отстояли её полностью, отслушав не только обычные псалмы, но и праздничные песнопения и вдохновляющую проповедь Бромеля о магах, которые храбро сражаясь с искусом всевластия волшбы, стремились к свету и боролись с тьмой внутри себя. Слова о свете, после того, что Лука видел в кабинете отца Доминика, показались ему несколько двуличными, но когда он заикнулся об этом Лавелю, тот обиженно надулся, и сказал, что тот не способен понять всю тонкость и изящество мыслей Его Святейшества.

Маг, которому должны были представить Луку, тоже был здесь. Лавель узнал его сразу по типичной для колдуна небрежной и нелепой манере одеваться. Хотя почтенный седобородый член Коллегии и старался выглядеть представительно, одев на службу самые свои дорогие одежды, выглядел он аляповато и смешно. Зелёный сюртук, на котором красовалось застарелое жирное пятно и красная шёлковая рубашка плохо сочетались с друг другом, а бархатные чёрные штаны, в которых магу явно было жарко и берет с петушином пером, вместо привычного колпака или шапочки, делали его похожим на молодящегося франта. Сам маг как будто не замечал смешки за своей спиной, а косые взгляды молодых барышень явно принимал за комплимент, горделиво поглядывая по сторонам.

– Он точно маг? – недоверчиво прошептал Лука, во все глаза глядя на странного человека. – Он что, слеп или безумен?

– Многие сомневаются в здравом уме магов, – согласился семинарист. – Но можешь не беспокоиться. Тебя так никто одеваться заставлять не будет. Это видимо его праздничная одежда, обычно колдуны одеваются гораздо, э-э-э, практичнее и скромнее.

Когда Лука уже думал, что проповедь Бромеля будет длиться бесконечно, он наконец замолчал. Маг, до этого смиренно сидевший на скамейке и клюющий носом, вскочил, и начал хлопать ему, но поняв, что все остальные не спешили к нему присоединиться, смутился и сел. Отец Доминик послал ему разъярённый взгляд, и пробормотав напутственное благословение, закончил службу.

Юноши, дождавшись, пока в храме опустеет (маг, видимо забывшись, тоже порывался уйти, но был вовремя остановлен епископом), направились вслед за Бромелем в его кабинет и уже там познакомились с представителем Коллегии. Ортега Литран, магистр и профессор алхимии оказался, ни много ни мало, секретарём Коллегии, отвечающим за всю документацию внутри Коллегии. И что бы не имел Бромель на столь важного человека, этого оказалось достаточно, чтобы почтенный маг держался с епископом любезно и чуть ли подобострастно, хотя обычно маги были теми ещё гордецами.

– Ну и кто из вас тот самый магический уникум? – бодро сказал Литран, с любопытством глядя на Лукреция и Лавеля.

Те переглянулись – очевидно, епископ не сообщил магу, в чём состоит "уникальность" Луки.

– Наверное, ты, – сказал маг, указав пухлым пальцем на семинариста. – Узнаю, узнаю это возвышенный и вдохновенный взгляд, свойственное тем, кто умеет в своём уме и чувствах

выходить за пределы этого брэнного мира, чтобы созерцать все тайны Вселенной. Истинный маг, говорю я вам, даже без всяких испытаний!

– Нет, – возразил Лукреций, – это мой брат, он станет священником. Вам наверное нужен я, магистр Литран.

Ортега Литран взглянул на темноволосого мальчишку, и улыбка его увяла.

– А, ну да, по возрасту ты больше подходишь. Обычно дар прощупывается как раз лет в отрочестве.

Про "возвышенный и вдохновенный взгляд" маг ничего не сказал, видимо, за его отсутствием. На мир Лука смотрел явно с недоверием и скепсисом, столь несвойственным столь юным особам.

– Ну давай, посмотрим, что там с тобой, раз уж мой дорогой друг, отец Доминик, просит.

Процедура была проста и немного неприятна. Магистр подошёл к Луке и попросив его сесть, возложил свои ладони на его макушку и шепча странные, царапающие слух слова заклинания, от которых у Луки щекотало в носу, а в голове становилось пусто и звонко.

А затем, совершенно неожиданно, Литран отскочил от мальчишки и, издав краткий возглас, упал без чувств.

– Наверное, его стоило его всё-таки предупредить, – раздосадовано покачал головой епископ. – Но кто же знал, что он окажется столь чувствителен?

Когда маг пришёл в себя, он взглянул на Луку уже совсем другими взглядом – восхищённым, и в тоже время немного опасливым, как будто увидел перед собой красивую, но всё же ядовитую змею.

– Вы знаете, отец Доминик, – сказал он, – я лишь однажды, будучи совсем молодым, имел возможность соприкоснуться с тёмным колдовством, но это ощущение я никогда не забуду. Мальчик же обладает тёмным даром?

Бромель подтвердил, и маг, почесав в затылке и походив вокруг да около, наконец задал волнующий его вопрос.

– Если вы уже знали о том, кто он есть, то зачем тогда пригласили меня, тем более, хм, неофициально? Согласно папскому указу от 1485 года все маги, обладающие тёмным даром или практикующие чернокнижие, подпадают под церковную юрисдикцию и выходят из-под власти Коллегии. Хотя, на мой взгляд, это несправедливое и нерациональное отношение к почти вымершему магическому искусству, уж простите меня за мои слова, отец Доминик. Дар этого мальчика нужно исследовать и сохранить хотя бы для науки, а вместо этого он сгинет вместе с мальчиком в каменных казематах.

Заметив пристальный взгляд обсуждаемого им "чернокнижника", Литран расстроено развёл руками:

– Извините, юноша, но ничем вам помочь не могу. Не в моих силах.

Бромель успокаивающе положил руку на плечо дёрнувшегося Лавеля, и сказал:

– Вы не поняли меня, магистр. Я не хочу выдавать этого, безусловно, талантливого юношу. Я тоже как и вы, хотел бы ему самого лучшего, – несколько искажил он слова мага, радеющего только о пропадающей возможности изучить носителя тёмной магии. – Потому я считаю, что нет необходимости выдавать его церковному суду. Мне бы хотелось, чтобы мальчик получил возможность учиться в школе Орхана.

– Но... с его даром... неужели папа Норгий издал новый указ, и тёмные искусства больше не под запретом? Если нет, то Коллегия не может рисковать испортить отношения с Церковью, взяв на обучение в Орхан тёмного мага. И я не могу понять, почему вы об этом меня просите, отец Доминик.

– О реакции святой матери Церкви можете не волноваться, этот вопрос я улажу своими путями, меня больше интересует, можно ли скрыть склонность к тёмному дару от Коллегии.

Я читал в древних трактатах, что тёмного мага можно очистить, сделав нейтральным, изъяв тьму из его тела, и поместив его в иной сосуд.

Литран задумался, а затем кивнул.

– Есть такой способ, хотя он помогает лишь на время, и ритуал нужно будет проводить регулярно. При этом, что удивительно, способность колдовать не исчезает, и сам маг остаётся в добром здравии. Правда, чернокнижники древности неохотно шли на эту процедуру, а без их согласия ритуал не работал, да и дорого он обходился. Нужно было найти подходящие сосуды для изъятой тьмы – лунные камни, да и не те, которым на рынке грош цена, а специальные, которые сейчас, наверное, и достать нельзя.

– Но ведь... – воскликнул Лавель, но взглянув на своего наставника, захлопнул рот.

А тот в это время уже доставал ту самую железную шкатулку с заветными камнями, среди которых попадались не только чёрные, уже заполненные, но и молочно-голубые, пока ещё пустые.

Уговорить Ортегу Литрана провести пробный ритуал было несложно, а вот Лукреций неожиданно заартачился.

– Чего это маги древности отказывались, а я соглашусь? – исподлобья глядя на нависших над взрослыми, сказал он. – Не хотели, значит, была причина.

– Но я же сказал, что с ними всё было хорошо, – уговаривал его маг.

– И ты сможешь нормально колдовать, – убеждал его брат.

Но аргумент епископа оказался наиболее... убедительным.

– Тебя не сожгут на костре как чернокнижника и тёмного мага.

Мальчик презрительно фыркнул, хотя зрачки его чуть расширились, выдавая страх.

– Вы не выдадите меня. Иначе я скажу, что вы хотели всё скрыть от церковного суда, и покрывали преступного мага. Я совсем не уверен, что священнику положено держать в сейфе такие магические штуки, как у вас.

– И кому думаешь, поверят? – Слова Луки не разозлили Бромеля, а кажется, рассмешили. – Неизвестному мальчишке, или уважаемому священнику? Мой мальчик, прежде чем пробовать кого-то шантажировать, убедись, что у тебя хватит на это знаний и авторитета.

И Лукреций Горгенштейн сдался, решив, что вполне можно жить обычным магом, зато на свободе, чем быть мёртвым чернокнижником.

Ритуал был неприятным, но вполне терпимым. Также, как он вытягивал совсем недавно из камня тьму, теперь он возвращал её обратно. Потребовалось целых три камня, прежде чем Лука почувствовал себя совершенно пустым, а Литран подтвердил, что в мальчике теперь не осталось больше тьмы, и он чувствовался самым что ни на есть обычным магом без ярко выраженного направления.

– А теперь попробуй какое-нибудь просто заклинание, – приказал он, – тебя же вроде немного учили?

Лука покопался в кармане и вытащил злополучное зёрнышко. Сконцентрировавшись на нём, он прошептал слова заклинания. Но ничего не произошло.

– Не так же! – воскликнул магистр, всплеснув руками. – И кто тебя только учил!

Лавель покраснел, но не стал говорить, что результат в прошлый раз был, хотя и не таков, какой ожидался.

– Давай ещё раз, только произноси не "торИ корини" а "тОри корини". Ударение в другом месте, понял?

Мальчик кивнул, и повторил, на этот раз правильно. Из зёрнышка сначала робко, а затем более уверенно, проклюнулся чахлый росток.

– Вот и хорошо, – довольно потёр руками епископ. – Значит, твоей учёбе в дальнейшем ничего не помешает. Нужно будет только вовремя очищать тебя от опасной тьмы, но с этим мы тебе поможем.

И ловко спрятал лунные камни, среди которых были уже и заполненные Лукой, обратно в сейф.

И на минутку Лавель подумал, что епископ, хранящий у себя постоянно пополняющийся запас тёмной энергии, это не очень хорошо. И тут же отринул эту мысль. Ведь Доминик Бромель один из лучших людей, которых он знает. Что такого плохого он может сделать?

Хотя и Лука не был склонен к построению иллюзий, школа Орхан, через которую проходили все маги Горгензы, оказалась всё же большим разочарованием. Нет, возможность научиться магии здесь давали, бесспорно. Но, собственно, на этом все её плюсы и заканчивались. А вот минусы были просто огромными, и самым значительным, перевешивающим все остальные, был тот факт, что его окружали совершенно ограниченные люди – сокурсники и преподаватели. Нет, Лука конечно знал, что в мире много недалёких и глупых людей, но то, что маги окажутся в точности такими же, как и простые обыватели, его неимоверно огорчало.

Всего первогодок, тех, у кого только недавно обнаружили способности к магии, было человек десять, семь юношей и три девушки. Все они были разного сословия, от сына портного до дочери барона, и разных возрастов. Это обуславливалось тем, насколько рано появился дар. Обычно это происходило лет в одиннадцать-двенадцать, но были в группе Луки и школяры, которым уже исполнилось и все пятнадцать.

Такое сильное отличие в возрасте и происхождении порождало сильное расслоение среди первокурсников. Дети аристократов и богатых торговцев держались отдельно, а простой люд – отдельно. Старшие помыкали младшими, но та же дочь барона, двенадцатилетняя белобрысая пискля, третировала полуграмотного крестьянского сына, выше её на две головы, и тот безмолвно это терпел.

Лука изначально плохо вливался в любые компании, и школьный класс не стал исключением. Возможно, если бы он примкнул к одной из групп, занял бы своё место в школьной иерархии, ему было бы гораздо легче найти друзей, вот только он не спешил принимать чью-то сторону. Иерархические игры казались ему примитивными и глупыми. На вершине пищевой цепочки оказывались не самые умные, и даже не самые умелые и старательные, как, по мнению Луки, и должно быть, а те, кто был сильнее остальных или чьи родители были влиятельные. Сам Лука физической силой либо покровителями похвастаться не мог. Ортега Литран, устроив его в школу, сразу предупредил, что помогать мальчику он не будет, и вообще, не хочет, чтобы его доброе имя связывали с именем Лукреция Горгенштейна. Но Луке не нужна была ничья защита, он всегда предпочитал быть сам по себе. И чтобы он, Лукреций, склонился перед тупой физической силой или наглецами, ощущавшими собственную безнаказанность? Да ни за что.

Заносчивый юнец, державшийся обособленно, не нравился многим. Да и казался он, тощий глазастый парнишка, отличной мишенью для издёвок. Его спокойствие и отстранённость они принимали за робость и трусливость, считая его слабым и неспособным себя защитить.

Но Лукреций Горгенштейн не был слабым. Будучи самым младшим ребёнком в семье, где помимо него было шестеро сыновей и шесть дочерей, он быстро научился защищать себя от их нападков и вторжения в свою жизнь, независимо от того, насколько большие преимущества были у другой стороны. Его больше не задевали гнусные подколки – он либо игнорировал их, либо, если у него было особо хорошее настроение, отвечал тем же. И так как его фантазия была получше, чем у многих других, а запас ругательств, благодаря Марку и Карлу, любивших изощрённые словечки, весьма широк, из словесных баталий он почти всегда выходил победителем.

Предпринимались и попытки воздействовать на него силой, но всё заканчивалось одним и тем же – обидчик решал, что связываться с этим психом себе дороже, и оставлял его в покое.

Обычно спокойный мальчик дрался как бешеный мангуст, не жалея ни себя, не противника, при этом не чурался использовать самые грязные методы и действовал с неизменным хладнокровием. Его было проще убить, чем сломить.

Став старше, уже на втором и третьем году обучения, между школьниками, несмотря на строгий запрет, стали происходить магические стычки, но если, несмотря на все его старания, оплеуху он иногда и мог отхватить, заставить врасплох в магии его было просто невозможно. "Оса" – прозвали его за точные и болезненные укусы, которых почти нельзя было избежать даже тем, кто воображал себя медведем.

Но своим сверстникам Лука снисходительно прощал их тупость и звериную жестокость, а вот смириться с причудами и дурью преподавателей было гораздо сложнее.

Взять хотя бы учителя по Магтеории, где они изучали конструкции готовых заклинаний, и учились создавать свои. Вот уж где, казалось, сложно нести отсебятину. Разучивай формулы, учи порядок слов в заклинаниях и правила их произношения, и всё. Но магистр Эльденгард, благообразный и представительный старик, перемежал вполне себе осмысленные и полезные знания с собственными досужими домыслами и фантазиями, к Магтеории не имеющими никакого отношения. Можно было бы подумать, что восьмидесятилетний маг просто впал в маразм, но слухи ходили, что он был таким и двадцать, и тридцать лет назад. К сожалению, этот курс предполагался на весь срок обучения, так что Луке оставалось только надеяться, что хотя бы к третьему курсу профессора удастся отправить на заслуженную пенсию или он "погибнет от тупости нынешних схоляров", как он уже давно обещал. Иначе так и придётся Луке вплоть до выпускного экзамена готовиться самостоятельно по книгам, погибая от скуки на Магтеории.

Преподаватель по древним языкам картавил, а маг погоды регулярно впадал в депрессию. На Землеописании, который вёл молодой, только что выучившийся маг, всё больше обсуждали придворные сплетни, до которых этот маг был охоч, а не опасности, подстерегавшие школяров на неизведанных землях. Учитель Риторике, преподающий у студентов также музыку и этику, любил переходить с драматического шёпота на истеричные крики, и явно сожалел о своей загубленной театральной карьере. Историк мог назвать любую дату, но постоянно забывал имена великих королей и магов, что веселило лишь до первого экзамена, где он уже спрашивал по всей строгости. Учитель Рунологии плохо видел, и регулярно выписывал корявый текст не на доске, а на стене. Магесса, преподающая Целительство, была влюблена в мастера-оружейника, и то и дело пускалась в лирические рассуждения, не выпуская скальпель из рук. Оружейник, к слову, был повёрнут на "военно-полевых играх", как он называл тот вид издевательства, где тебе нужно было животом ползти по мокрой земле, в то время как он изображал нападение нескольких противников. Разными и голосами и звуками.

Нет, были более-менее нормальные учителя. К примеру, Неллида Сим, которая вела Природную магию. Проблема в том, что Лукреций в ней, этой самой природе, ничего не понимал. Тот успех с пророщенным зерном, как показала практика, был скорее исключением, чем нормой. Даже на зачёте в конце первого года всё, что смог вырастить Лука это чахлый кустик непонятно чего, завядший в течение получаса, тогда как у даже самых тупых его однокурсников росли нормальные розы, которые по требованию магистра Сим и должны были вырастить ученики.

С Зоологией у Луки было тоже не очень. То есть пока они теоретически изучали существ, вполне возможно уже вымерших, или, по-мнению Луки, никогда не существовавших, всё было в порядке. Уж запомнить и выучить поведенческие особенности виверн или характерные признаки заражения марами он бы мог. Но когда дело дошло до живых, вполне себе обычных зверей – лошадей, крыс, кошек и прочих вполне себе безобидных зверей, которыми Лука должен был научиться управлять с помощью твёрдой руки, стальной воли и верной магии, у него начались проблемы. Крысы кусались, кошки шипели и царапались, и даже самые спокойные лошади то и дело норовили выкинуть его из седла. Как будто чувствовали его истинную природу.

Отдыхал сердцем и умом Лукреций лишь на двух предметах. Алхимии и, как это ни парадоксально, Богословии, предмете, обязательном для всех учебных заведений Горгензы.

Первым преподавателем, который смог по-настоящему вызвать у Луки интерес, стал магистр Гидеон, средних лет жизнерадостный мужчина, выделяющегося лишь своей любовью к грубому юмору и громким хохотом. Его манеры сначала несколько оттолкнули мальчика, но услышав и поняв, о чём же рассказывает Гидеон на своих уроках, Лука просто стал игнорировать его привычку смеяться над всем и всеми, и начал впитывать всё, чему тот их учил. А учил он их многому: различать яды и составлять противоядия к ним, делать из разных камней амулеты и редкие зелья, видеть суть металлов и стихий, и уметь вычленять из них отдельные элементы. А ещё Лукрецию нравился сам процесс алхимии: стоять среди всех этих колб, реторт и котлов, отмерять крупинки драгоценных, иногда настолько редких, что от этого захватывало дух, веществ, и смешивая и выплавляя их, создавать нечто новое, чувствуя себя творцом.

Если магистр Гидеон первоначально своим характером отвратил Горгенштейна, и понадобилось время, чтобы к нему привыкнуть, то священник, введший у юных магов Богословие, покорила Луку с первого урока. Отец Йохан Шварц был высоким широкоплечим мужчиной с грубыми чертами лица, густой рыжей шевелюрой и резкими, дергаными движениями. Говорил он, когда его о чём-то спрашивали школяры или другие преподаватели, тоже резко и обрывисто, но стоило ему заговорить об одном из его интересов, как голос священника менялся. Становился глубже, мягче, певучее, и хотелось слушать бесконечно всё, что он говорит, пересказывал ли он очередную притчу из священных книг, или рассказывал об устройстве мира, и том, какое маленькое, но замечательное место занимает человек в этом мире, придуманном Богом. В его историях место находилось всему: ангелам, демонам, героям и святым, человеческим порокам и прегрешениям, священному и профанному. Говорил он и о магии, хотя сам магом и не был, и глубина его понимания просто поражала Луку. Он так ясно и глубоко видел все грани магической силы, её суть, не плохую, и не хорошую, что иногда Луку просто тянуло признаться отцу Йохану о своей маленькой тайне и посмотреть, как тот отреагирует.

А ещё Шварц никогда не врал и ничего не скрывал. Те вещи, о которых другие преподаватели молчали или просто предпочитали не замечать, он свободно обсуждал с учениками. Именно на его уроках Лукреций впервые услышал, как говорят о тёмных искусствах не как о чём-то омерзительном, и богопротивном по своей сути, а лишь как об одной, пусть опасной и обманчиво-соблазнительной, ошибочной, но всё же не злой стороне магии.

Ко всем своим ученикам Йохан относился одинаково, никого не выделяя, и немножко подсмеиваясь над теми, кто пытался так или иначе завоевать его внимание и одобрение.

Лука, впрочем, не набивался к нему в любимчики, но то, что отца Йохана, кажется, нисколько не восхищает его острый ум и способности к обучению, его задевало. Каждый раз он пытался обратить на себя внимание рыжеволосого священника каверзными, острыми, порой совершенно богохульными вопросами, и всякий раз священник, снисходительно улыбаясь, спокойно объяснял ему суть той или иной поднятой темы. И с каждым разом Лука, теряя осторожность, заходил всё дальше и дальше, пока однажды не осмелился заговорить о наиболее волновавшем его. О тьме, и том, почему люди, умевшие ею обладать, были гонимы Церковью.

Шварц, вместо того, чтобы подобно другим учителям, механически повторять о том, что чернокнижие – противно богу, вместо этого задумался, и впервые с искренним интересом посмотрел на ученика.

– И где вы, юноша, слышали о том, что существует такая особая энергия, как тьма? Ведь вы говорите о ней не как об абстракции или богословской категории, а как о реально существующей материи. А такого в Орхане, насколько я знаю, не должны рассказывать.

– Читал в деяниях святого Михаэля, – совершенно честно ответил Лука. – Он был большим знатоком магической теории для...

Мальчик замялся.

– Для того, кто называл магов исчадием ада? – хмыкнул Шварц. – Святой Михаэль был достаточно суров к несчастным магикусам древности, и считал, что врага нужно знать в лицо. Но стоит понимать, что и ваш собрат тогда не был столь лоялен к Церкви, как сейчас. А откуда у вас, Лукреций, такое стремление к душеспасительному чтению?

– Мой старший брат тоже священник, как и вы, – потупив глаза, сказал Лука, – и я стараюсь соответствовать ему во всём и брать пример, хотя мой магический дар и не даёт мне возможности служить Церкви.

На самом деле молодой Горгенштейн, также, как и приснопамятный святой Михаэль считал, что потенциального противника лучше изучить как можно лучше. Ну и, в чём он не хотел признаваться даже самому себе, ему сильно хотелось впечатлить Отца Йоханна, относящегося к нему также, как к другим заурядностям.

– Так всё же, – упрямо спросил Лука, – почему иеронимцы так ненавидят тьму? Ведь в Священном Писании о ней ничего не сказано, и было бы неправильно связывать её с происками дьявола.

– А вы умеете думать, – одобрительно кивнул Шварц, – Действительно, ни в Деяниях апостолов Иеронима, ни в ранних священных текстах тьму не клеймят как дьявольское творение, эту параллель провели гораздо позже. Причина в том, что тёмные искусства покушаются на священную прерогативу Церкви: знание о потустороннем и власть над ним. Я достаточно понятно объясняю, Лукреций? – с лёгким нажимом в голосе спросил Шварц, не заставляя мальчика промолчать, но предостерегая от излишне опасных вопросов.

Но Луке не надо было ничего больше объяснять, он и так понял, о чём так красноречиво умолчал священник, давая ему шанс самому всё додумать.

Иероним Защитник дал людям шанс на вечную жизнь и сумел доказать им, что смерть не властна над людьми. Но тем, кто познал тёмные искусства, не нужно было ничего доказывать. Они и так знали, что смерть – это только переход в иную реальность, и эта реальность вполне себе доступна для познания, и даже более того, влияния. А значит, совсем не нужно было быть святым, чтобы, к примеру, возвращать мёртвых людей с того света или обеспечить себе достойное посмертие. Проще говоря, святые были одного поля ягоды с чернокнижниками, вот только сумели создать о себе гораздо лучшее впечатление.

Чем больше овладевал Лукреций магической наукой, тем больше он понимал суть тьмы внутри себя. Каждые несколько месяцев, а то и чаще, он тайком приходил к Бромелю, чтобы провести ритуал очищения, но раз за разом ритуал давался всё сложнее и приносил меньше результатов. Тьма не хотела отделяться от его души, находила любые лазейки, чтобы не сменять живой человеческий сосуд на каменную узницу. И наконец, настал тот день, через два года после того, как он впервые пришёл к епископу, когда даже после изнурительного ритуала он всё ещё не был пуст. Тьмы оказалось слишком много, чтобы её можно было полностью поглотить.

Епископ не смог ничего заметить, а Лука не стал ничего ему говорить. Теперь, когда он мог немного, но всё же колдовать, таить тьму от чужих глаз стало легче. Он уже научился пользоваться заклинаниями без тьмы, и сейчас ему просто нужно было лишь прикладывать чуть большие усилия, чтобы творить заклинания, не вкладывая в них эту часть своей силы.

О, как он многое, оказывается, терял, отказавшись от тьмы. Юноша как будто жил с завязанными глазами, а теперь повязку сняли. Ночь для Луки перестала быть пуста и безмолвна, а темнота вновь стала ласкова и дружелюбна. И мир, мир вокруг для него стал живым и заговорил, зашептал на разные голоса. Возможно, этот шёпот, шёпот мёртвых, голос потустороннего и чуждого человеку, показался бы кому-нибудь жутким и пугающим, но не Луке.

И это напомнило ему о том, кого он старался не вспоминать последние два года. Тобиас Гохр, давно почивший магистр тёмных искусств, которого он разбудил. К несчастью, он так и не смог убедить мать вернуть ему кость несчастного мёртвого мага, которую она взяла из его кармана. То ли выкинула, то ли спрятала так глубоко, что даже тщательный обыск всего дома

не дал никаких результатов. Да и время прошло много – едва ли она сама знала, где эта кость. А ведь без этой части скелета Лука не мог полноценно связаться с Гохром – всё, что он получил, вернувшись на могилу магистра, это невнятный шёпот и явное ощущение недовольства того. Видимо, что-то было важное в мизинце левой руки, которую Лука когда-то отрыл по просьбе чернокнижника.

Подсказка пришла, когда он лениво листал одну из книг в библиотеке Орхана – не для учёбы, просто из любопытства. И нашёл поисковое заклинание, ищущее нужный предмет по его подобию или другой части. То, что нужно. Проблема была в том, что заклинание состояло из частей, которые изучали лишь на четвёртом курсе, а Лука только недавно перешёл на третий. И как бы не был молодой Горгенштейн прилежен и умён, самостоятельно справиться со сложными формулами заклинания он не мог.

Взгляд его бессмысленно скользил по библиотеке. Даже если он прочтёт все эти книги, едва ли это поможет самостоятельно сложить заклинание. Для этого нужно знание не только теории, но и практика, которой пока у Луки не было. Неужели придётся ждать ещё год? Нет, Гохр конечно подождёт, он и так ждал несколько сотен лет, вот только Лука не был так терпелив.

Взгляд его наткнулся на сгорбленную фигуру старшекурсника, ищущего что-то среди полок, и Лука торжествующе улыбнулся. О, Жерар Лекой! Именно тот, кто был ему нужен.

Лекой учился на четвёртом, последнем курсе начальной ступени обучения. Дальше большинство учеников заканчивали свою учёбу, и лишь немногие, только юноши, и только имеющие значительные успехи в магическом искусстве, продолжали постигать тайные знания. И Жерар, безусловно, это право получил.

Ему было шестнадцать, и он был сыном мельника. Притом всего лишь третьим, которому явно не светило получить ни мельницу, ни хоть какое-то наследство. А как горько шутил сам Жерар, говорящих котов и доверчивых людоедов встретить не так уж и легко. Поэтому он зарабатывал как мог, в том числе и делая за младшекурсников сложные задания. Правда, и брал он немало, из-за риска попасться, но зато работу свою делал на совесть.

У самого Луки было не так уж много денег – пусть его отец был гораздо богаче отца Жерара, но тратить деньги на младшего сына, которым он отчаянно гордился, он не спешил. Марк и Карл недавно поступили в Военную Академию, а сёстры София и Миранда решили буквально друг за дружкой выскочить замуж, и свободных денег в семье не было. "Тебя там всё равно кормят и одевают – ответил ему отец, когда Лука заикнулся, что неплохо бы ему получать на содержание хотя бы один золотой в месяц, – а вот твои сёстры в обносках идти под венец не могут". Так и обходился Лука несколькими грошами в кармане, которые ему тайком подсовывал Лавель из своего и так небольшого жалования священнослужителя.

Но когда Луку что-то останавливало? Поднявшись, он аккуратно подсел к Жерару и с любопытством заглянул в его книгу. За обложкой по травологии скрывалась небольшая брошюра с картинками весьма неприличного содержания. Хм, а что, люди и от этого получают удовольствие? А спина после такого не болит?

Жерар наконец заметил непрошенного гостя и отложив книгу, начал внимательно рассматривать гостя. Наконец придя к какому-то своему выводу, хмыкнул.

– Первокурсник? – Лука скорее не обиделся, благо что некоторые первокурсники были старше него, а удивился. Школа была не такая уж большая, менее сотни учеников, и то, что Жерар его не знал, было странно.

– Третий курс. Лукреций Горгенштейн.

– А-а-а, слышал, – тут же поскуцнул Жерар, поняв, что с этого парня нечего ловить. Такие, как он, не обращаются за помощью, и не платят за выполнение вместо них заданий, а всё делают сами. Но мальчишка его удивил.

– Мне нужно, чтобы ты составил для меня заклинание. Не учебное, действующее.

– Какое?

Вместо того чтобы ответить, Лук сунул ему в руки книгу с обведённой формулой и списком требуемых для чар ингредиентов. Жерар задумчиво почесал нос, а затем сказал:

– Мы его не проходили. Его изучают только на второй ступени Орхана.

– Значит, не сможешь? – разочарованно спросил Лука.

– Я разве это сказал? – усмехнулся Лекой. – Формула то понятна, хотя с символьным рядом придётся попотеть. Я представления не имею, что означают некоторые из этих заклятий.

– Это руны Вальдо, – пояснил Лукреций.

– Без тебя знаю, – отмахнулся Жерар, – как и то, что их значение утеряно, а транскрипция весьма сомнительна, так что придётся, возможно, истратить много энергии, прежде чем заклинание подействует. Легче обратиться к магистру рунологии – уж он-то знает, как прочесть эти чёртовы руны.

– Мне неудобно обращаться к почтенному магистру Токо, – вежливо ответил Лука, скрывая своё недовольство.

– Тогда используй заклятие попроще. Или можно сделать ещё лучше. За два серебряника могу найти тебе любую вещь.

– С помощью заклятья Истара? – поморщился Лука. – Оно не подходит. Я пробовал.

Заклятие Истара было наиболее распространённой поисковой формулой, и самой простой и надёжной. Вот только у него были свои ограничения: оно не могло найти живых существ и не могло найти магические, или те, которые соприкасались с магией, предметы. И хотя едва ли кость от пальца Гохра можно было бы считать живой, но к магии она имела явное отношение, и поэтому Истаром не находилось. У формулы, что нашёл Лука, таких ограничений не было.

– Понравившуюся девушку хочешь найти? – понимающе улыбнулся Жерар. – А у тебя есть что-то принадлежавшее ей? Часть одежды, или может быть, локон?

Лука уже думал об этом.

– Есть кость, – сказал он, и улыбка Лекоя увяла.

– А ищешь что? Надеюсь, всё-таки не девушку?

– Другую кость, – решил ответить откровенно Лука. Всё-таки помощь Жерара ему нужна была.

Тот вздохнул.

– Тяжело с тобой. Ладно, не буду больше спрашивать. За расшифровку формулы и помощь я возьму с тебя пять золотых. Три сейчас, два по факту работы.

Пять золотых? Это были большие деньги, больше, чем когда-либо держал Лука в руках. И Лавель ему явно с такой суммой не поможет – он в месяц всего получал три золотых. Спросить у Томаса? Томас взял на себя часть отцовских дел, и имел неплохой доход, но так как Луку он не особо любил, с такой суммой он точно не расстанется ради него. Попросить у епископа Бромеля? Тот не раз намекал ему, что будет рад помочь Луке, если у того возникнут затруднения. Вот только попросит он с него потом гораздо больше – в отличие от Лавеля, Горгенштейн не обольщался насчёт натуры отца Доминика. Да и не даст он деньги, не узнав перед этим, для чего они понадобились школьнику. А посвящать в свои тайны епископа Лука не хотел.

– Нужно время, чтобы достать эту сумму.

– Ну вот как появится, так и приходи, – ехидно посоветовал Лекой, тут же утратив к третьекурснику интерес.

Лука с досадой встал. Можно, конечно, обратиться к Элису Горичу, он берёт меньше, но у того язык как помело, а Лука бы не хотел, чтобы о его делах болтали.

Горгенштейн немного помялся и сел, задумчиво разглядывая Жерара Лекоя. Жерар был коренастым светловолосым юношей, в отличие от Лавеля, уже нуждавшемся в бритве, но ещё

не умеющим ей пользоваться, отчего кожу украшали многочисленные порезы. Глаза у него были круглые, совиные, и по-птичьи цепкие, но смотрел он прямо и открыто, отчего вызывал симпатию у Луки, не терпящим в других людях лицемерия.

– Ну чего ещё? – добродушно спросил Жерар, заметив на себе взгляд Луки.

– Если ты поможешь мне, то сможешь получить гораздо больше, чем пять золотых. Я отдам тебе треть того, что найду в сокровищнице.

– В сокро-о-овищнице? – недоверчиво протянул Лекой, но глаза его заинтересованно блеснули.

– Мне нужна эта кость для того, чтобы найти тайник одного мага. Полагаю, в ней должно быть много интересных, и весьма дорогих вещей.

– И что это за маг?

– Не могу сказать.

– А он не будет против, если мы его ограбим?

Лука позволил себе лёгкую улыбку.

– Он уже мёртв, так что, полагаю, ему всё равно

Лукреций не совсем соврал Жерару. Ещё в самом начале их "общения" с магистром Гохром, тот упоминал, что перед смертью он успел спрятать значительную часть своего имущества в укромном месте. Пытался "купить" Луку, чтобы завоевать его доверие, но достаточно быстро понял, что странного мальчишку больше интересуют знания, чем золото. Впрочем, можно было надеяться, что про тайник чернокнижник всё же не соврал.

– И я должен тебе верить, что эти сокровища существуют на самом деле? – нахмурился Лекой.

– Клянусь именем своего рода, что говорю лишь то, что знаю, – торжественно сказал Лукреций.

– Рода кого, торговцев? На аристократа ты не похож, уж извини.

– У торговцев тоже есть своя честь, – не обиделся Лука. – Давай так – если мы не сможем выйти на тайник, то я отдам тебе десять золотых, то есть в два раза больше, чем сейчас, в течении года. Я готов написать расписку, которую любой суд сочтёт её действительной.

– Десять золотых это много, – облизал губы Жерар. Вот только ему не слишком хотелось привлекать внимание официальных властей к своей не совсем законной деятельности. Но ведь в суд идти и не обязательно. Если парнишка не сможет расплатиться, он просто придёт с распиской к его отцу, и тому, если он не захочет огласки, придётся потрясти кошельком.

– Тогда я подготовлю текст договора, – довольно кивнул Лука, поняв, что жадность в Жераре победила его осторожность.

В следующий субботний день, после того, как занятия закончились, Лука, вместо того, чтобы идти домой (а он, как и все школяры, что были родом из Улькире, на выходные покидал школу Орхана), остался дожидаться Жерара, у которого занятия заканчивались позднее. Присев на траву рядом с входом учебного корпуса, он через какое-то время почувствовал на себе чей-то взгляд. Оглядевшись, он заметил, что неподалёку от него, за старым дубом, стояла его однокурсница, Клара Вогард, пухленькая светловолосая девушка на год старше Луки, и пыталась незаметно за ним наблюдать. Заметив, что её раскусили, девушка покраснела, и замявшись, подошла к Луке.

Помимо пышных форм Клара была обладательницей милой улыбки и карих оленьих глаз в обрамлении густых ресниц, что вкупе с кротким нравом и восторженной наивностью, с которой она смотрела на мир, делало её одной из самых популярных девушек Орхана. Лука к своим почти пятнадцати годам уже начал посматривать на девушек, но дальше "просто посмотреть" у него пока не заходило. Все эти ритуальные игры вокруг особей, не отличающихся ни особым умом, ни хотя бы здравомыслием казались Луке совершенно утомительными. Тем более, что благодаря своим старшим сёстрам он не имел никаких иллюзий по поводу так называемого

слабого пола. Но в привлекательности Кларе Вогард нельзя было отказать, тем более что в ней была некоторая сдержанность характера, порождаемая стеснительностью, которая выгодно отличала её от шумных и визгливых сверстниц.

– Добрый день, Лука. Ты разве не едешь домой? – тихим робким голосом спросила Клара, встав неподалёку, и неуклюже комкая в ладонях юбку.

– Позже, – коротко ответил юноша, и ради приличия спросил: – а ты?

– За мной должен приехать батюшка через пару часов, – застенчиво улыбнулась Клара.

Лука кивнул и отвернулся. На его взгляд, беседа состоялась. Но Клара всё продолжала стоять, изредка тяжело вздыхая. Горгенштейн начал испытывать раздражение. Он поднялся и стряхнул с брюк сухую осеннюю траву.

– Ты хотела что-то сказать, Клара?

– Мне просто стало тоскливо, я увидела тебя, подумала, что может, ты тоже скучаешь в одиночестве.

"Нет, спасибо, мне просто замечательно" – хотел ляпнуть Лука, но что-то в просительном взгляде Клары заставило его смолчать. Он снял с себя школьный сюртук и аккуратно постелил его на траву, взглядом предлагая юной даме сесть. Клара засияла, и постаралась как можно более элегантно сесть, не помяв при этом накрахмаленные юбки.

– Спасибо, Лука, – опустив пушистые ресницы, сказала она. – Это так неожиданно.

– Неожиданно что? – рассеянно переспросил Лука.

– Что ты заботишься обо мне. Ты всегда так отстранён и задумчив. Иногда я смотрю на тебя и гадаю, что происходит в твоей голове?

Слова Клары несколько озадачили Луку. Какая ей, в сущности, разница, что происходит у него в голове?

– Ты, наверное, очень умный, – ещё раз поставила его в тупик девушка.

Нет, он конечно, достаточно умён, тем более на фоне своих однокурсников, но что заставило Клару сказать это именно сейчас? Он понимал, что Клара от него что-то хочет, но не мог понять что именно.

– Тебе написать, что ли, нужно? – прямо спросил он.

Клара тут же приняла обиженно-детский вид, но ответить не успела.

– Лукреций, пошли, дело не ждёт, – раздался над ними насмешливый голос.

Лука и не заметил, как к нему подошёл Жерар, и теперь нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– О, Клара! – развязно подмигнул юноша мигом заалевшей девушке. – Ты чего к нашему хмурику клинья подбиваешь? Не видишь, он предназначен для более великих дел, и женское внимание лишь будет сбивать его с толку. Приголубь лучше меня – уж я-то, в отличие от этого вечного уныния, смогу тебя развлечь.

– Дурак, – фыркнула девушка, и стараясь не глядеть на Луку, поспешила прочь.

– Смотри-ка, – присвистнул Лекой, глядя на то, как девушка уходит, плавно покачивая бёдрами, – а ты ей понравился! Пользуйся и цени, хмурик. Клара девка капризная, подступиться ней не могут даже лучшие из лучших в нашей школе, а она к тебе сама в руки плывёт.

– Захлопни пасть, сын мельника, – неожиданно холодно ответил Лука. – Девки на сеновале будешь щупать, а Клара тебе не девка.

Сказал, и тут же пожалел об этом. И не только потому, что грубить тому, чьей помощи добиваешь, было не очень предусмотрительно. Лука всегда считал себя выше сословных предрассудков, а сейчас он, получается, почём зря оскорбил человека из-за сомнительной чести какой-то девицы.

На секунду Луке показалось, что Жерар его ударит, такой огонь загорелся в его взгляде. Но тут же потух, а по губам скользнула ленивая улыбочка.

– Ну-ну, малыш. Я не собираюсь отбивать у тебя Клару. Да и куда мне, деревенщине, супротив богатенького городского мальчика. Ты ей ровня, не я. Только учти – с такими не развлекаются, на таких женятся. Если ты, конечно, не сын барона или герцога. Так что будь осторожнее, если не хочешь жениться раньше, чем у тебя начнут расти усы.

– Мне нет до неё дела, Жерар, – Лука не мог заставить себя извиниться, даже зная, что он виноват, поэтому он постарался говорить с Лекоем как можно более дружелюбно, показывая своё расположение. – Меня больше интересует ритуал поиска. Где мы будем его проводить?

– Я договорился со сторожем, и он случайно обронил рядом со мной ключ от подвала, – подмигнул ему Жерар, позвонив ключами в кармане. – Ты смог достать женьшеневый корень и вытяжку из тамирского лотоса?

– Принёс, – похлопал по сумке Лука.

В огромном количестве родственников был свой плюс. Томас, самый старший из братьев Горгенштейн, пошёл по пути своего отца и стал торговцем. Будучи представителем своего отца, он объездил многие земли, и нередко, помимо тканей привозил из далёких стран и другие редкие товары: специи, украшения, а в последнее время также травы и лекарства. Томас выяснил, что в столице Горгензы эта ниша почти не была занята, а спрос был очень неплох. И теперь он весьма активно наваривался, кажется, собираясь стать в разы успешнее своего отца. Уж что-то, а деловое чутьё у него было.

Луку не слишком интересовали дела Томаса, но сейчас оценил возможность иметь доступ к его ресурсам, так как в городе необходимые ингредиенты пришлось бы покупать за серебро, а тут он обошёлся лишь несколькими часами нытья под ухом занятого братца. И всё, заветные травы он получил совершенно бесплатно, лишь за обещание оставить Томаса в покое.

– Отлично, а свечи из воска горных пчёл?

Лука поскучнел. Свечами Томас не торговал.

– Есть церковные. Освящённые.

– Для магического ритуала? – недовольно скривил лицо Жерар. – Если на меня падёт гнев Иеронима, то учти, я утащу тебя за собой в ад.

– Считаю, что мы занимаемся богоугодным делом, – не повёл бровью Горгенштейн.

Зайдя с запасного входа этого же учебного здания, они спускались по покатым каменным ступеням, ведущим в подвал. На ладони Луки горел магический огонёк, освещая путь, и лицо его, подсвеченное голубоватым светом, казалось каким-то мрачным и зловещим. Жерару на мгновение стало не по себе, хотя он понимал, что этот тихий мальчишка пока ему не соперник по силе и умению, как он бы талантлив он не был. Но было в нём что-то... заставляющее держаться настороже обычно легкомысленного Лекоя.

– Ты хоть примерно представляешь, где может быть эта кость? – запоздало спросил он Луку.

– В самых плохих вариантах на речном дне или на дне выгребной ямы. У матушки вполне хватило бы ума избавиться от моей собственности таким образом.

– Так что заставляет тебя думать, что может быть как-то иначе? – нахмурил Жерар светлые брови.

– Лишь глупая надежда и безысходность, – криво улыбнулся Лука.

– О, отличные основания на успех, – насмешливо протянул Жерар. – Но мне, впрочем, всё равно. Уж свои десять золотых я с тебя стрясу.

Лука занялся приготовлениями, а Жерар, удобно усевшись на мешок со старым тряпьем, давал ему рекомендации.

– Линию на десять градусов левее черти... и чётче, чётче, что ты как барышня акварельки малюешь! Ага, а этот знак вообще не так пишется. Нет, не руна урза, а руна орза. Не видишь разницы? Двоечник же, а говорил, разбираешься в Вальдо... Так, ладно, сойдёт. Теперь установи курильницу... ну куда ты шалфей кладёшь! Сначала вытяжка лотоса, а затем только поро-

шок шалфея. Хмурик, а действительно в своём классе самый умный? Хотел бы я взглянуть на остальных идиотиков.

Лука мрачно пыхтел, но послушно следовал указаниям. Наконец, Жерар довольно кивнул, и отстранив Горгенштейна, осмотрел место для ритуала поиска.

– Ну сойдёт. Зажигай свечи, и начали. Слова-то выучил?

Лука сосредоточенно кивнул, настраиваясь на процесс. Внезапно Жерар хлопнул себя по лбу.

– А про объект для сличения мы забыли. Где твоя костяшка?

– Все мои кости во мне. А нужная – вот она.

Лука аккуратно положил белую косточку в самую середину пентаграммы. Пришлось сходить на кладбище посередине ночи и ещё раз потревожить останки магистра Гохра, взяв на этот раз часть его правого мизинца. Но Тобиас Гохр, кажется, не был так уж против расстаться с ещё одной частью тела.

У Жерара и Лукреция, как ни странно, всё получилось. Они ни разу не запнулись и не перепутали слова. Чуть хрипловатый, ломающийся голос Луки и низкий уверенный голос Жерара отлично дополняли друг друга, отражаясь от сырых стен и мрачным эхом возвращаясь обратно.

Наконец последнее предложение было закончено, и линии пентаграммы засветились, напитавшись магической силой Лекоя и Горгенштейна. Косточка Гохра чуть сдвинулась, а затем несколько раз подпрыгнула вверх. Жерар поймал её в воздухе, успех опередить дёрнувшегося Луку.

– Эй, мы же договаривались, что вести буду я! – возмутился Лука, который был не очень доволен, что к останкам уважаемого им тёмного магистра прикасается кто-то ещё.

– Уж извини, Лукреций, но что-то я тебе не слишком доверяю. – Жерар сжал в ладони кость, и покрутился вокруг своей оси, прислушиваясь к своим ощущениям, которые должны были подсказать, в какую сторону идти. – Ого! Судя по тому, что меня тянет к городу, то можно надеяться, что мы найдём всё-таки искомый предмет не на речном дне.

– Почему? Река протекает и через город.

– Потому что водные потоки ослабили бы, или вовсе уничтожили симпатическую связь между искомыми предметами.

Тщательно убрав за собой следы колдовства, ученики покинули школу и направились по магическим следам. Школа находилась в часе ходьбы от столицы, но так как Жерар практически не шёл, а бежал, влекомый невидимой связью, то они достигли города гораздо раньше. Блуждали по улицам они совсем недолго. Остановившись рядом с районом, где жила семья Лукреция, Жерар остановился, нетерпеливо переминаясь на одном месте.

– Что не так? – чуть запыхавшись, спросил Лука старшекурсника.

– Тут след расходится. Один, более сильный уходит туда, – Лекой махнул рукой в сторону старого кладбища, – а другой, слабее, ведёт совсем в другую сторону. В центр города, если я не ошибаюсь. Куда пойдём?

– По второму.

– А первый след куда ведёт?

– К другим останкам. Нам они не нужны. Нужна именно утерянная кость.

У Луки не было намерения открывать тайну магистра Гохра. Кладбище было последним местом, куда он повёл бы Жерара. Даже то, что он уже признался Лекою в том, что именно они ищут, был большой риск.

– Это хорошо, что ты меня ведёшь не к скелету. А я-то уж подумал, что ты собираешься заняться тёмными искусствами, – искоса взглянул Жерар на Луку.

Лукреций несколько искусственно улыбнулся.

– Нет, никаких мертвецов мы поднимать не будем.

"По крайней мере, не сейчас, и не с тобой".

– Тогда зачем кость?

– Тот маг, чью сокровищницу мы ищем, зачаровал вход в неё на самого себя. Точнее, на конкретную часть своего тела.

– Хорошо хоть, он зачаровал палец, а не на более неприличную часть тела, – рассмеялся Жерар над своей же пошлой шуткой, но Лука не поддержал шутку.

Сейчас он думал о том, что же делать, когда они наконец найдут то, что нужно. Жерара ни в коем случае нельзя подпускать к дальнейшим манипуляциям с находкой. Потому что едва ли даже ради сокровищ Лекой согласится пробудить сознание мёртвого чернокнижника, а значит, эта часть поисков Луки должна остаться для Жерара тайной. Но обмануть ушлого старшекурсника будет явно не так уж просто.

– Кажется, пришли, – наконец то сказал Жерар после часа рыскания по городским улицам. Уже стемнело, и двое подростков, без цели бродившие по городу, привлекли внимание. Тем более что они оказались в старом, богатом районе города, где жила знать, а значит, вполне могли привлечь внимание патруля, обходившего район с регулярной частотой. – Похоже, мы шли по ложному следу. Говорил же, что не стоит использовать церковные свечи. Вот и оказались под воротами храма. Эй, хмурик, ты чего молчишь?

Лука закусив губу, мрачно рассматривал храм, видневшийся за оградой.

– Да нет, дело не в свечах.

– А в чём же тогда?

– Это храм, в котором служит мой брат Лавель. И живёт он при нём. Значит, ещё тогда он забрал ту кость у матушки, не сказав мне.

– Так это же хорошо. Не выкинул, сохранил, – прагматично пожал плечами Жерар. – Правда, я не подписывался обворовывать храм.

– Не трогал бы кость, не пришлось бы идти, – огрызнулся Лука. – Я бы сам спокойно зашёл и забрал.

– Ну, теперь уже поздно. Будем надеяться, что если нас поймают, твой братец сможет нас отмазать. В крайнем случае, скажем, что нас припёрло помолиться.

Засунув кость за щеку (отчего Луку сильно перекосило, не от брезгливости, а от беспокойства за драгоценную часть скелета магистра), и закатав рукава рубашки, Жерар ловко, как будто всю жизнь этим занимался, полез вверх по изгороди. И Лука, чуть помедлив, полез за ним, гораздо более неуклюже.

Перебежками они пересекли прихрамовый садик и оказались около одноэтажного домика за храмом, где жил священнослужитель. Свет в окнах не горел, а это значит, что Лавель, по натуре жаворонок, ложившийся очень рано, уже спал.

– Внутри, – выплюнув кость обратно в ладонь, прошептал Жерар. – Будешь стучаться?

– Лучше чтобы Лавель ничего знал, – покачал головой Лука.

– Если мы начнём ломать дверь, он нас явно услышит, – хмыкнул Жерар.

– Я тоже кое-что умею, – высокомерно произнёс Горгенштейн, и присев на уровне замка, зашептал заклинание. Затем легонько дунул, и Жерар услышал, как щёлкнул замок, неохотно открываясь. Но

– Что, третькурсников этому сейчас учат? – даже в темноте Лука слышал, что удивление в голосе Жерара мешается с завистью. Тот такое заклинание не знал.

– Я много читаю.

– Я тоже.

– И знаю, в каких книгах искать.

Жерар недоверчиво засопел, но ничего не сказал.

– Я покажу тебе, где лежит книга с этим заклинанием, – пообещал Лукреций, и сопении стало чуть более доброжелательным.

Стараясь не скрипеть ненадёжными половицами, они зашли внутрь, и застыли посреди небольшой гостиной. Жестом Жерар указал, что нужно идти в сторону спальни, но когда Лука уже коснулся дверной ручки, Жерар вцепился ему в плечо, останавливая.

– Что будем делать, если он проснётся? – зашептал юноша.

– Усыпим, – пожал плечами Лука. – Я взял с собой сонный порошок. Мы его делали на уроке алхимии на той неделе, и я позаимствовал часть.

– А он точно сработает?

– Мне поставили за него высшую оценку.

– Не сильно успокаивает, – пробормотал Жерар.

Происходящее сильно не нравилось. Одно дело использовать старый ритуал, а другое дело – врываться в дом священника и усыплять его, чтобы забрать кость давно умершего мага. Лекой был не слишком законопослушен и религиозен, но он не привык совершать столько грехов одновременно.

Лавель спал, трогательно свернувшись клубочком. Когда две тени скользнули в его комнату, и склонились над ним, он тревожно заворочался во сне. Лука быстро откупорил склянку с сонным порошком, и не отмеряя, сыпанул сверху, стараясь попасть на лицо брата. Тот вздохнул, перевернулся и сладко засопел.

– Что ты сделал! – почти взвыл Жерар, отшатываясь и зажимая нос пальцами. – Ты что, не узнал, как им пользоваться и в какой пропорции?

– "Можно добавить порошок в еду или напиток, или же дать пациенту его вдохнуть", – процитировал учителя Лука, и... сладко зевнул, потирая глаза.

– Ну вот, надышался, – обречённо сказал Жерар, глядя, как Лука борется со сном. – Противоядие ты взял?

– А что, есть противоядие? Я и не зна-а-а...

Голова его упал на грудь, и он, как и был, стоя, заснул. Жерар аккуратно вытащил всё ещё открытую скляночку с порошком из руки Луки и стараясь не дышать, аккуратно закупорил её. Затем пару раз ударил по щекам самонадеянного мальчишку, впрочем, ни на что особо не надеясь, а затем, выругавшись, усадил его на стул. Оглянувшись, он уверенно подошёл к скромному комоду, притулившемуся у зарешеченного окошка. На одной из нижних полок, среди носков и нижнего белья, он нашёл завёрнутый платок, и развернув его, убедился, что в нём то, что он искал. Заклинание завибрировало и умолкло, отпустив наконец Жерара, уже уставшего от внутреннего зуда, не оставляющего его в течение всех поисков.

Хмуро взглянув на спящего Луку, Жерар ещё раз выругался, размышляя, не стоит ли оставить глупого школяра объясняться с братом. А затем тяжело вздохнул, и закинул мальчишку, к счастью, достаточно тощего и лёгкого, на плечи, и понёс его к выходу. Стоило ещё понять, как преодолеть изгородь с лишним грузом на плечах.

Глава 3

Проснулся Лука от достаточно лёгкого, но всё же не слишком ласкового пинка в бок.

– Вставай, вставай. Уже час дня, а ты всё ещё в кровати!

Никогда ещё чей-то голос не казался Горгенштейну настолько отвратительным. Если бы он мог сделать это безнаказанно, он бы убил Жерара не задумываясь. А так только пришлось открыть глаза, а затем и сесть. Что ж, стало понятно, почему ему всю ночь снилось, как он проводит время в деревне – он спал на тонком соломенном матрасе, с вплетёнными туда сухими травами.

– Где это мы?

– В гостях у моей тётки. Она сейчас на работе.

Лука брезгливо огляделся. Небольшая каморка, стол у окна, здесь же и очаг, на котором, видимо, готовится пища. Вместо кроватей – лавки у стен, а его и вовсе положили на полу. Хорошо хоть, относительно чисто, и пахнет приятно – свежеструганным деревом, сухими цветами и едой.

– Ты здесь живёшь?

– Иногда выбираюсь сюда в выходные, когда в Орхане совсем немоготу оставаться, но тут не слишком просторно, и не хочу теснить тётку. Слушай, а твои родители не будут волноваться, что ты не пришёл к ним ночевать?

– Я сказал им, что переночую в школе из-за сложного проекта.

Отец, услышав, что в эти выходные Лука не вернётся домой, лишь кивнул, не слишком желая разбираться в проблемах одного из сыновей (благо что понимал, что всё равно ничего не поймёт в делах младшего отпрыска). А вот матушка долго не могла успокоиться, то грозясь пойти разбираться с директором Орхана за то, что её кровиночку совсем замучили, то порываясь принести ему в школу снеди, так как "что-то ты совсем худенький и бледный". Госпожу Горгенштейн смог уговорить только Лавель, присутствующий при беседе.

– Его же засмеют, матушка, – укоризненно сказал он, – если вы будете его опекать даже в школе. Лукреций вполне себе самостоятельный и ответственный юноша, он вполне может о себе позаботиться и не наделать глупостей.

Насчёт последнего он, впрочем, немного ошибался.

Лука встал, потянулся и тут же охнул. Приподняв рубаху, он мрачно оглядел многочисленные синяки.

– Это что? – спросил он Жерара.

– Это я несколько раз тебя уронил. Вот это, – он указал на ссадину на предплечье, – когда я перетаскивал тебя через изгородь. А вот эти, на рёбрах, когда мимо нас проходил патруль, и мне пришлось скинуть тебя в... ну тебе лучше не знать.

Лука понюхал рубашку и сморщился.

– Я, кажется, догадываюсь. Где кость?

Жерар похлопал по мешочку, висевшему у него на шее.

– У меня. Но я отдам его лишь взамен на деньги, или на обещание, что я буду участвовать в поисках сокровищницы наравне с тобой.

Лука скривился. Смышлёный маг достаточно быстро поймёт, что ритуал, который собирався провести Лука, тёмномагический. И было бы глупо ожидать, что он скроет это от Коллегии. Но выбора особо не было. Ситуацию, очевидно, придётся решать на месте.

– Хорошо, но в этот раз я буду делать всё сам. Ты должен только наблюдать.

– Ты будешь использовать то же поисковое, или всё-таки заклятие Истара?

– Ни то и не другое. Проблема не в том, как найти тайник, а в том, как его вскрыть. Для этого то нам и нужна частичка хозяина сокровищницы.

– Когда пойдём? – деловито поинтересовался Жерар.

– Как стемнеет.

Потому что ритуалы, связанные с призывом душ умерших, работают лучше всего ночью. Видимо, Жерар это тоже знал, потому что взглянул на Луку с нескрываемым подозрением.

– Это ведь не тот вид колдовства, за который церковники поджаривают пятки?

– Нет нет, – уверил Лекоя будущий некромант. – Я не связываюсь с подобной магией, у меня же брат священник.

– Ага, которого мы ночью ограбили. Это, конечно, характеризует тебя с самой лучшей стороны. У тебя случайно среди братьев воров нет?

– Пока никого страшнее такого колдуна, как я, в роду Горгенштейнов не было, – насмешливо сверкнул глазами Лука, и Жерар расхохотался, хлопнув его по плечу.

– В том, чтобы быть белой вороной, есть свои преимущества. Вот взять хотя бы мою тётку. Если бы не её способности, быть бы ей сейчас крестьянской женой с оравой детишек, а не самостоятельной горожанкой с вполне себе уважаемой профессией.

На взгляд Луки, уважительность мало соответствовало той нищете, что он видел, но он решил проявить вежливость, и нейтрально спросил:

– А кто она у тебя?

В двери как раз заскрежетал ключ.

– А вот сам у неё и спросишь. Дели, что-то ты сегодня рано?

Вошедшая в дом женщина привлекала внимание. Она была достаточно молода, не старше двадцати пяти и обладала резкой, даже грубоватой внешностью. Но было что-то чертовски привлекательное в Дели. У женщины были такие же, как у племянника, зелёные и широко поставленные глаза и светлая кожа, но брови, ресницы и волосы были темнее ночи, что рождало поразительный контраст. Она была высокой, на голову выше Жерара, и судя по всему, стройной, хотя широкая юбка и незаправленная рубашка хорошо скрывала фигуру. Но запястья, выглядывающие из широких рукавов, были изящны, а шея тонка.

– Решила уйти пораньше, в лавке всё равно пока Нира сидит, – голос её был также хорош, как и она сама – глубокий и волнующий. – А, твой приятель, наконец, проснулся! Ну и крепко же вы напились прошлой ночью. Но ладно ты. Жерар! Но зачем было спаивать такого приличного мальчика? Хотя...

Она подошла совсем близко к Луке, заставив его покраснеть, и принялась:

– Пивом совсем не пахнешь, хотя бы не помешало помыться. Скорее, что-то... сонный порошок?

– Да, – удивлённо сказал Лука. – А откуда вы знаете?

Жерар раздосадовано почесал голову. Надо было догадаться обрызгать мальчишку чем-нибудь покрепче. Плохой из него конспиратор.

– Я тебе как раз хотел сказать. Делия – травница. Делия – это Лукреций Горгуп... Горген... ну как-то там, он учится в той же школе, что и я.

– Горгенштейн? – заинтересованно приподняла бровь Делия.

– Вы всех в городе знаете? – поинтересовался немного недовольно Лука.

– Нет, – рассмеялась женщина, тряхнув копной тяжёлых волос, небрежно перехваченных зелёной лентой. – Просто сталкивалась по делам с Томасом Горгенштейном. Очевидно, он твой брат? Вы немного похожи.

Если Делия работала в одной из целительских лавок, то она вполне могла сталкиваться со старшим из братьев Горгенштейн. Он часто заходил в подобные места в поисках редких трав и сборов.

– Да, Томас мой брат.

Делия тут же потеряла интерес родственным связям мальчишки.

– Есть хотите, ребята?

– Я бы не отказался, родная, – тут же расплылся в заискивающей улыбке Жерар.

А Лука несколько замялся. Не лучше ли ему будет пойти домой? Конечно, будет много вопросов от матери, почему он в таком виде, и ещё больше, когда он снова уйдёт вечером. Но и находиться здесь ему было неудобно. В основном из-за тётки Лекоя. Слишком уж она его тревожила, хотя он не совсем понимал, чем именно.

– Ну же, – ласково заглядывая в глаза мальчика, сказала Делия, – не смущайся. Я буду рада угостить тебя чем-нибудь.

И мягко взяла Лукреция за руку. Ладонь, до которой дотронулась травница, опалило огнём – не больно, скорее неожиданно. Лука растерянно отнял руку и взглянул на ладонь, ожидая увидеть ожог или хотя бы покраснение. Но не увидел ничего. Делия, кажется, была так

же удивлена – это было видно по её резко расширившимся зрачкам, но со своими чувствами она справилась гораздо быстрее.

– Ох, маленькая молния проскользнула, – подмигнула она, сделав вид, что ничего особенного не произошло. – А я только хотела сказать, что не кусаюсь. Ну же, давайте к столу. Картошка не должна была остыть в печи, а маринады я сейчас достану. Один из клиентов недавно принёс.

Стол был простой, и в другом случае, Лука не преминул бы выказать своё презрение к грубым глиняным тарелкам и отсутствию на столе салфеток. Но Делия готовила хоть и просто, но очень вкусно – так что Лука даже не отказался от добавки. Так что во время трапезы все сидели молча, тщательно пережёвывая, лишь Делия иногда кидала на Луку задумчивые взгляды.

– И какие у вас планы на день?

– Ну, вроде никаких... – начал говорить Лука, но Жерар его перебил:

– Просто куча дел. Так что мы сейчас, да-да, прямо сейчас, уходим. Прощай, тётушка.

Увидимся, э-э-э, ну когда-нибудь.

Когда они оказались за порогом, Лука чуть недовольно спросил:

– Ты чего? Хочешь до ночи по улицам промотаться?

– Ты даже не представляешь, что было бы, если бы мы остались, – округлил глаза Лекой. – Во-первых, она через полчаса бы уже вызнала, что мы замыслили.

– И что, не отпустила бы?

– Отпустила, – махнул рукой Жерар. – Вот только перед этим шантажом бы заставила меня делиться или бы издеваться начала. Она знаешь, какая иногда бывает? Ух! Просто ведьма.

– А во-вторых?

– А во-вторых, если бы мы не ушли, то она бы уже нашла для нас дело. "Жерар, отнеси госпоже Мерло её мази. Жерар, разбери эти травы – да-да, весь мешок. Лапушка, попробуй этот отвар, я хочу проверить, нет ли после неё сыпи по всему телу", – весьма похоже передразнил он тётку. – И это она уже почти дипломированному магу говорит! Отраву я должен её пробовать! И тебя бы заставила.

Лука сильно сомневался, что его можно как-то заставить, но спорить не стал.

– Что делать будем?

– То же, что делают обычно парни нашего возраста. Бесцельно шататься по улицам и пялиться на баб. Уверен, что ты никогда так не развлекался, а, маменькин сынок?

И как бы Горгенштейн не относился скептически к такому бесполезному времяпровождению, ему, в общем-то, понравилось. Он даже в какой-то момент решил, что наличие приятеля или друга вполне может иметь смысл. Пусть даже этим приятелем и окажется такой бесцеремонный и нахальный тип, как Жерар Лекой.

Глава 4

Было ли это удачей, или наоборот, препятствием, но ритуал Аш-хиони нужно было проводить не на старом кладбище, а в лесу недалеко от города – практически в нескольких шагах от крепостной стены. Во времена жизни магистра Гохра город был в два раза меньше, и это место считалось надёжно укрытым, сейчас же мальчишкам приходилось соблюдать тщательную осторожность, чтобы остаться незамеченными.

Лука здесь уже бывал, ещё в те времена, когда кость не была украдена, но тогда он не успел даже приступить к заклинанию. Впрочем, сейчас, после нескольких лет обучения в Орхане, Лука понимал, что Аш-хиони мог ему просто тогда не даваться – даже с поддержкой мёртвого чернокнижника. Да и понимал ли он тогда всю опасность этого ритуала?

Впрочем, подозрения были. Пусть магистр Гохр и считал его наивным ребёнком, которого легко обмануть, настолько наивным не был. Поэтому к мысли о том, чтобы призвать дух

магистра Гохра из мира мёртвых, следуя указаниям полуразумного слепка его души, сохранившего в его костях, он отнёсся с достаточной долей недоверия. Ведь полностью проявленный в этой реальности дух не сможет долго просуществовать без оболочки – а значит, оно будет искать себе тело. И как бы не было любопытно Луке поговорить по-настоящему с древним чернокнижником, жертвовать ради этого **своё тело** он не хотел.

Почти три года назад он не знал выхода из этой ситуации, сейчас же он нашёл изящное, и самое главное вполне себе безопасное решение проблемы.

Небольшая полянка, на которой должно было совершаться колдовство, была покрыта на удивление ровной травой – ни цветов, ни пней, как будто по земле зелёный ковёр раскатали. Кроны смыкались над этим кусочком земли почти полностью, оставляя для лунного света лишь небольшой просвет.

– Какое-то странное местечко. Здесь находится хранилище? – поинтересовался Жерар, простукивая толстую кору старого дуба, надеясь обнаружить тайник без какой-либо магии.

– Возможно, – уклончиво сказал Лукреций, выкладывая из сумки необходимые для ритуала ингредиенты.

– Возможно? А что мы тогда... Эй, а что это за хрень такая? Она меня пугает!

– Это Луиза, знакомься.

Луиза была куклой длинной в локоть. Когда-то, будучи купленной для одной из сестёр Луки, она обладала прекрасными каштановыми локонами, длинными ресницами и прекрасными голубыми глазами. Сейчас же волосы прутьями торчали в разные стороны, один глаз разбился и сиял теперь дыркой в голове, а тряпичные руки и ноги с проволокой внутри были погнуты так, как будто кукла билась в конвульсиях, и так и умерла. Платье, в которое она была одета, давно порвалось и истлело, поэтому Лука, недолго думая, повязал вокруг её пухлого туловища кусок украденной с кухни марли. И теперь Луиза производила весьма гнетущее впечатление, напоминая то ли мертвеца в саване, то ли одну из тех мумий, которых находили в пирамидах, страшными историями о которых пестрела бульварная пресса.

– Мы что, будем устраивать ей сожжение? Потому что я бы её сжёг. Чтобы, не дай бог, она не выкопалась и не стала нас преследовать.

– Это сосуд.

– Сосуд для чего?

Лука начал злиться. Этот Лекой задавал слишком много неудобных вопросов, а отделяться от него туманными сентенциями, как он, бывало, отделялся от своих родителей и даже учителей, у мага не получалось.

– Послушай. Сиди молча и не мешай! Я обещал взять тебя с собой, а не объяснять каждый свой шаг.

Жерар хмыкнул, потёр начавший зарастать подбородок, и придя к какому-то решению, уселся на краю полянки.

– Хорошо. Я сяду тут, и не буду отвечать.

Это решало проблему Луки лишь наполовину. Потому что даже без объяснений Лекой сможет понять, что в основе ритуала – тёмная магия.

– И отвернись! Можешь слушать, а не смотреть. Этот ритуал на одного, и лишнее внимание может всё испортить

Жерар в этот раз медлил.

– Если только ты дашь мне обещание, что не причинишь мне вреда.

– Ты мне не доверяешь? – надменно поднял брови Горгентштайн.

– У меня нет оснований тебе доверять. Может, ты меня в жертву решил принести, – насмешливо сказал Жерар, хотя глаза его были серьёзны.

– Тогда... тогда даю обещание не пытаться тебя убить.

– И не дать меня убить ничему другому!

– Обещаю, – процедил Лука. Кажется, Жерар понимал гораздо больше в происходящем, чем хотелось бы Луке. Впрочем, он действительно не собирался его убивать.

Жерар довольно кивнул:

– И помни, что достаточно многие видели нас вместе. Так что если я пропаду, в первую очередь пойдут к тебе.

Лука закатил глаза.

– Отвернись же! И, э-э-э... подсвети мне немного.

– Я тут значит, тебе светильником буду подрабатывать, – фыркнул Жерар, но послушно зажёг над поляной ровный магический свет. – Может, нужно факелы было принести?

– Свет факелов будет видно со стены. А магический свет полностью исчезает вне очерченного круга заклинания. И ты сам вызвался мне помогать, так что хватит ворчать, и дай мне сосредоточиться.

Лука умолчал об ещё одном факторе – если Жерар будет занят своим заклинанием, у него не будет времени следить за тем, что же делает его спутник.

Подготовка к ритуалу давалась сложно. И не только потому, что знаки приходилось чертить на земле лезвием ножа, а не ровном полу мелом. Мешал шёпот на грани сознания – магистру Гохру не терпелось освободиться. Иногда шёпот становился таким громким, что мальчик переставал даже слышать окружающие звуки. Руки начались трястись, а взгляд затуманивало красное марево.

– Сейчас, сейчас, – бормотал он себе под нос лихорадочно. Последней он посадил в цент круга диаметром в пару шагов куклу, и сделав надрез в районе груди, вложил туда кость левого мизинца и залепил кашицей из смолы и специальных трав, смоченных в его собственной крови. Затем встал позади куклы и начал читать текст заклинания, давным-давно уже выученный наизусть.

Сам ритуал Аш-хиони был достаточно прост, с ним бы справился даже неподготовленный тёмный. Сложнее всего, по словам того же Гохра, была подготовка к нему: ещё тогда, сотни лет назад, он подготовил основу для ритуала и заговорил свою часть тела. Теперь же Луке нужно было лишь использовать свою тьму и произнести слова заклинания. Слова эти даже для него звучали тарабарщиной – они не были похожи ни на один из изучаемых в Орхане древних языков. Он звучал тяжело и чуждо, и казалось, совершенно не было предназначено для человеческого горла. Но Лука упорно говорил, запинаясь, мучительно искажая рот и напрягая горло, но всё же выговаривая все слова как можно более точно.

– ... Ахро грхело толихиагрсве... – тут он запнулся. Согласно инструкциям магистра Гохра, тут он должен был подставить своё имя. Но он и так уже достаточно далеко отошёл от инструкций, поэтому он твёрдо продолжил: – Асстерх **Луиза** прграцихно хенно тс-сецло-тоссанги тогронп. Аш-хиони!

Вместе с последними словами он выплеснул всю ту тёмную силу, что скопилась в нём за последние месяцы. Сначала ему показалось, что это легко – он привык уже отдавать энергию лунным камням. Но сейчас всё оказалось по-другому. Тьма скользнула по начертанным на земле линиям, вспыхнули и погасли руны Вальдо, и энергия потекла в центр. Туда, где сидела нелепая игрушка.

В тот же момент магический огонь над поляной заискрился и потух, а Жерар беззвучно повалился на землю. Впрочем, у Луки не было времени ни пугаться, ни тревожиться о жизни своего спутника. Потому что кукла начала шевелиться.

Сначала дёрнулись руки, затем ноги. Она повалилась на спину и начала смешно барахтаться, пытаясь перевернуться на живот. Наконец, ей это удалось, и кукла, упираясь руками о поверхность и покачиваясь, встала. Тряпичное её лицо жутко перекосилось, а затем там, где находилась условная полоска рта, ткань затрещала и разорвалась.

– Лу-у-укреций, – прохрипела кукла неожиданно низким мужским голосом и завращала своим единственным голубым глазом. – Лу-у-укреций, т-т-ты...

– Да? – осмелился Лука подать голос, покрепче перехватив перочинный нож.

Кукла шатаясь, повернулась к нему.

– Что это за тело? Оно... неполноценное.

– Моё, я понимаю, было бы лучше, – вежливо ответил Горгенштейн, помня, что старшим лучше не грубить. – Но мне оно пока само нужно.

– Я бы, я бы... не отнял, – речь давалась Тобиасу Гохру всё легче. – Я бы... занял совсем мало места.

– Знаете, магистр, даже шёпот вашего слепка был весьма назойлив, едва ли я вместил в себе всё ваше сознание, не потеряв себя.

– Умный, – каркаяще рассмеялся Тобиас-Луиза. – А это у нас что, подарок?

Кукла заметила находящегося без сознания Жерара и поковыляла к нему. Лука вежливо, но твёрдо заступил ей путь.

– Извините, магистр Гохр, но тело моего... приятеля вы тоже не заберёте себе.

– А я и не собираюсь, – возразил магистр, – он маг, но не тёмный. Он как сосуд совсем не годен. Даже в эту пародию на человеческое тело я смог попасть лишь потому, что в нём была твоя кровь и часть твоей тьмы. Могу поздравить тебя, мальчик – ты всё очень хитро придумал.

– Тогда зачем вам Жерар? – удивлённо спросил Лука.

– Разве это не твоя жертва? Извинение за то, что ты засунул меня в эту дурацкую тряпичную куклу? – возмущённо потрясся игрушечной пухлой ладошкой с четырьмя пальцами.

– Нет. Он просто помогал мне с поисками... эм-м-м, вашего потерянного мизинца. И я обещал ему, что не убью его и не дам ничему убить. И я намерен держать своё слово.

– Ну, это твоё слово, мальчик, – хищно расхохотался Гохр, и подобно маленькой юркой обезьяне проскочил между ног растерянного Луки, достигнул Жерара и вцепился ему в горло, голодно причмокивая.

Но уже через секунду оторвался, жалобно взыв и разевая тряпичный рот.

– Ни магии, магистр Гохр, ни зубов, – с лживым сочувствием покачал головой Лукреций. – Луиза плохо подходит для убийств. Так что придётся вам сегодня обойтись без жертв.

– Гадкий, гадкий мальчишка. И это после всего, что я тебе сделал! – кукла в ярости закружилась на месте, топоча ножками.

– А что вы для меня сделали?

– Я открыл для тебя тёмную магию! Я провёл тебя через инициацию! Стал твоим Учителем! А ты жалеешь для меня крови какого-то крестьянина! Запер меня в этом теле, которое рассыплется через пару дней! И что тогда?! Что тогда, я спрашиваю?!

– Но ведь можно укрепить ваш сосуд? – спокойно спросил Горгенштейн. – Вы сами сказали, что вам нужна кровь тёмного мага. Я готов ей делиться, в умеренных количествах, конечно. Но вам, я думаю, должно хватить на то, чтобы продолжать жить дальше.

– Это будет не жизнь, это будет жалкое существование, – буркнул Гохр злобно моргая единственным глазом.

– Но всё же, выбирайте. Или вы соглашаетесь на это тело и мою помощь, а взамен становитесь моим проводником в тёмные искусства, либо я просто ухожу и оставляю в таком виде. Всё равно вы беспомощны и ничего не можете никому сделать, – пряча своё нетерпение под деланным безразличием, сказал мальчик.

Кукла задумчиво почесала голову, и с отвращением вырвала клоч пакли, заменяющую кукле волосы.

– Рыжий я теперь, да? А сглазом что?

– Я пришью новый, – поспешно заверил Гохра Лукреций. – И волосы могу состричь.

– Волосы можешь оставить, – брезгливо сказал магистр. – Я при жизни лысым был, так что даже такие волосы лучше никаких. Я согласен. Ты мне свою кровь – два раза в неделю, потом она уже перестаёт действовать. А я буду наставлять тебя и предостерегать от глупостей. Начну прямо сейчас. Ты какого... взял сюда этого паренька, пообещал заботиться о его жизни, и раскрыл ему все свои тайны? Он же теперь тебя сдаст, и глазом не моргнёт.

– Я ничего ему не сказал, может, он и не догадается, что это был за ритуал, – несколько виновато сказал Лука. Он не был излишне человеколюбив, но и убивать такого, в принципе, неплохого человека, как Лекой, не хотел. Да и обещание... – Я сказал ему, что мы будем искать твой тайник. Может быть, если мы найдём его, и я отдам Жерару его часть, он не будет болтать лишнего?

– Хочешь подкупить его? – раззявила в беззубой улыбке рот кукла. – Хорошая идея. Но мы сделаем ещё лучше. Смотри....

Через пять минут план уже был продуман, а через десять начал претворяться в жизнь.

– А если... если он всё поймёт? И не согласится сохранить мою тайну?

– Тогда тебе всё же придётся пойти до конца.

– Я никогда никого не убивал. И я дал обещание.

– А тебе и не придётся убивать самому. Тайник снабжён ловушкой, но я скажу, как тебе её обойти. А говорить ли об этом твоему спутнику, решай сам. Просто активируй вход, сам или с этим юношей, и он уже не сможет покинуть эту поляну... если ты этого не захочешь.

У всех людей разная реакция на магический удар – перенасыщение чужим или даже собственным колдовством, который организм не может ни принять, ни отторгнуть. Для обычных людей, не обременённых колдовским талантом, переизбыток магии ощущается как лёгкая головная боль или резь в желудке, в самом сильном варианте – ещё и рябью перед глазами и рвотой. А вот у самих колдунов магический удар вызывает гораздо более разнообразные, подчас забавные, а порой и весьма неприятные эффекты. Ученики Орхана уже к третьему, а то и ко второму курсу хоть раз да становились жертвой отдачи от колдовства. Одного из однокурсников Жерара, к примеру, от переизбытка силы начинало пробивать на "хи-хи", другой же напротив, впадал в сильнейшую хандру, и даже пару раз пытался покончить с собой после того, как словил особо неудачное проклятие себе на голову. Кто-то начинал мёрзнуть, кто-то напротив, сгорал в огне. Особо чувствительные бились в конвульсиях или застывали в кататоническом ступоре.

Жерару, можно сказать, повезло и не повезло одновременно – он просто засыпал, погружаясь в глубокий сон без сновидений. Для здоровья это было отнюдь не вредно, но вот в критических ситуациях, нередко сопровождавших, а то и становившихся причиной магического удара, это было не слишком безопасно.

Вот и сейчас он потерял сознание совершенно не вовремя. Лекой почувствовал, как поднялась волна магии за его спиной, но было в ней что-то глубоко чуждое и пугающее. Эта магия, это чувство... Как будто он снова ребёнок, лежит на краю кровати, которую делит со старшими братьями, и пытается не упасть – потому что там, внизу, притаилось страшное чудовище во тьме, которое ждёт, когда он потеряет осторожность и высунет руку или ногу за пределы безопасного пространства кровати... Или пробирается по тёмному коридору к кухне, держа свечу в руке, а жадные тени в углах тянутся своими длинными конечностями к нему, стремясь схватить глупого ребёнка. Почему ему стало так страшно от колдовства Горгенштейна? Хотелось бежать, не оглядываясь, или свернуться в клубочек, чтобы спрятаться от чужого злого присутствия, но... Лекой не был бы собой, если бы не мог взглянуть страху в лицо. И он, отбросив обещание Луке, решил повернуться. Если этот мальчишка думает...

И тут Жерара накрыло магическим ударом, и тьма поглотила его сознание, но уже не пугая, а обещая блаженство забытья.

Из сна Лекоя выдернул пинок под дых, скорее неожиданный, чем болезненный. Лука не преминул отомстить за своё утреннее пробуждение.

– Знаешь, пока ты просто дрых, я молчал. Но вот твой храп во время своей работы слушать не намерен, – сообщил старшекурснику Горгенштейн.

– Дурак, я не спал, – огрызнулся Жерар, утратив в миг всё своё благодушие, и только и мечтая заехать Луке куда-нибудь побольнее. Но тот предусмотрительно держался подальше. – Это твоя чёртова магия меня вырубил. Что ты сделал?

– Сложно сказать. Я сам тут полчаса в корчах ползал, – неохотно признался Лука.

Жерар с подозрением взглянул на своего спутника, но тот и впрямь выглядел измученным.

– Что-то не то было с тем заклинанием, что ты использовал. Какое-то оно странное.

Жерар прошёлся вдоль начерченного круга, коснулся пальцем выжженных на земле линий, и начерченных рядом знаков. Обычных рун Вальдо, но начерченных в каком-то бессмысленном, хаотичном порядке.

– В этих знаках нет смысла. Они не должны были сработать, – нахмурившись, сказал Лекой.

– Правда? Я не знал. Я просто переначертил на память из книги, не особо вдумываясь в содержание.

Отчего-то Жерар был уверен, что книги этой, о которой говорит Лука, вовсе не существовало, впрочем, как и этого ритуала. Перед ним – подделка, сделанная наспех, чтобы скрыть.... Что? Истинный ритуал? Тот, от которого его сначала пробрало от страха, а затем и вовсе вынесло. И уродливая кукла куда-то пропала.

– Ритуал не сработал? – то ли спросил, то ли просто констатировал факт Лекой. Но ответ Луки его удивил.

– Почему же не сработал? Теперь я знаю, где тайник, и даже знаю, как туда попасть, – самодовольно скорчил рожу Горгенштейн, отчего ему сразу захотелось врезать.

– И где же он?

Лука топнул ногой по земле.

– Прямо под нами.

Жерар с сомнением посмотрел вниз. Как и ожидалось, никакого люка в земле не было.

– Мы не взяли с собой лопат.

– Они бы нам не помогли. Тайник скрыт магией, но наш неправильный ритуал его видимо сломал.

– Твой.

– Что?

– Твой неправильный ритуал, Лукреций, а не наш, – Жерару совсем не хотелось быть причастным к такой странной магии. – Если он сломан, значит, мы не попадём внутрь?

Лука покачал головой.

– Это значит, наш путь теперь стал проще. Один барьер мы преодолели, теперь остался только второй. Дай мне руку.

Жерар, поколебавшись, всё же протянул руку и Лука крепко схватил его за ладонь.

– Помнишь, как на Вальдо будет "откройся"? Стой, не говори, скажем это вместе.

Взгляды юношей скрестились, и Лекой, наконец, кивнул, соглашаясь.

– Орто.

– Орто! – прозвучало одновременно, и сила, послушная их слову, потоком устремилась вниз, по их телам, уходя в землю. Лука пошатнулся, и Жерару пришлось схватить его за плечи.

– Ничего не происходит. Ты уверен, что это всё, что нужно? – напряжённо спросил старшекурсник.

– Ничего больше. В этот раз магистр Гохр не был оригинален, – думая совсем о другом, сказал Лука.

– Магистр Гохр?! Тот самый чернокнижник?!

Глаза Луки расширились, когда он начал осознать свою ошибку. Он произнёс это имя совершенно случайно, да и не думал он, что Жерар Лекой, сын мельника, слышал о Тобисе Гохре. О таких, как он, ведь не рассказывали в Орхане.

Жерар оттолкнул Луку, отчего обессиленный двумя заклинаниями мальчик упал на колени.

– Не уходи! – протянул он руку отшатнувшемуся Жерару.

– Я не подписывался на участие в тёмной волшбе, Горгенштейн, – покачал головой Лекой.

– Ты сдашь меня?

Жерар заколебался. Он злился на Лукреция за то, что тот его так подставил, но сдать мальчишку Коллегии означало не только лишиться его всех карьерных перспектив, но и собственно самой жизни. С чернокнижниками ни церковники, ни сами маги не церемонились.

– Скажи, ты влез в это по дурости, или знал, на что идёшь? – жёстко спросил Лекой.

– Я знал, что Гохр увлекался тёмными искусствами, но я не собирался делать ничего дурного, – по-детски жалобно произнёс Лука, пряча расчётливый взгляд. – Мне просто было любопытно. Я хотел знать... хотел прикоснуться к древней тайне, ничего больше. Ведь я не обманул тебя, Жерар. Ты получишь свои сокровища, как только мы попадём в тайник!

– Сокровища? – Рот Лекой дёрнулся, то ли в болезненной гримасе, то ли в усмешке. – Зачем мне нужны проклятые сокровища чернокнижника? Нет, Лука. Я не собираюсь больше тебе помогать, и сокровища чернокнижника мне не нужны. Их даже не продашь. И тебе не советую никуда лезть. Но я ничего не расскажу Коллегии. Твоя глупость и самонадеянность не стоят смерти. Я уйду.

– Мы уже открыли вход в тайник. Ты не сможешь уйти, – совершенно спокойно, как будто минуту назад он не просил о пощаде, сказал Лука.

Жерар молча развернулся... и не смог сделать ни шагу. Ноги его ушли под землю по щиколотку.

– Что ты делаешь, придурок? – зашипел Жерар, пытаясь освободиться.

– Я в том же положении, если ты не заметил. Я же сказал, что мы уже открыли вход. Теперь только вниз.

Сам он провалился в землю уже по бёдра.

– Самое главное, – торопливо продолжил Лука, – не сопротивляйся и не паникуй. Прикрой лицо и рот, чтобы не наглотаться земли. Я попаду в тайник первым, и помогу тебе выбраться.

С ужасом Лекой увидел, как Горгенштейн был поглощён землёй – совершенно бесшумно, не оставив даже никакого следа на ровном ковре травы.

– Дерти. Ос. Мо-эти! – юноша начал панически перебирать приказы на Вальдо, надеясь, что одно из них повернёт заклятье, открывшее вход в тайник, назад. И наконец, отчаянно прокричал: – Да остановись же! Пере...

Крик захлебнулся. Жерар оказался в мягкой и вязкой как кисель земле по самые уши. Торчала лишь макушка и руки по локоть, нелепо вздёрнутые вверх и пытающиеся хоть за что-то уцепиться.

Стражник, прогуливающийся по ту сторону стены, вздрогнул, услышав вопль, но не найдя источник шума, пожал плечами, пошёл дальше. Таинственное исчезновение двух юных магов так никто и не заметил.

Лука, благодаря Гохру подготовленный к переходу, сумел попасть в сокровищницу, ничего себе не отшибив. Хотя всё же на ногах удержаться не смог. Высота тайника оказалось значительно больше, чем он думал. Лука зажгёт магический свет, но оглядеться не успел. Над земляным потолком показались ноги Жерара. Сначала ступни в потрёпанных башмаках, затем щиколотки, голени, колени. А затем Жерар застрял. Ноги, сначала нелепо шевелящиеся, безвольно повисли в воздухе.

– Ну я же говорил, чтоб закрывал лицо и не разевал рот, – досадливо произнёс Лука, и подпрыгнув, ухватился ладонями за щиколотки Лекой, помогая своим весом ускорить падение.

А вот отскочить в сторону не успел, и Лекой обрушился прямо на него. Скинув его с себя, Лука взглянул парню в лицо и выругался. Затем придал безвольному телу сидячее положение и силой ударил по спине. А затем снова и снова, пока Жерар не закашлялся, очищая своё горло от забившихся комьев земли. Он отдышался и со смесью гнева и благодарности посмотрел на Луку.

– Я думал, застряну там навсегда. На какой глубине этот тайник?

– Не очень глубоко. Метра три, четыре.

– И за все эти годы потолок так и не обвалился? – недоверчиво спросил Жерар.

– Ну ты видишь, что потолок то здесь совсем не обычный, – хмыкнул юный чернокнижник. – Хотелось бы знать, какую магию Гохр использовал, чтобы такого добиться? В Орхане, я уверен, ни один магистр так не может.

Жерар покачал головой.

– То, что учителя нам этого не дают, не означает, что они не владеют этим сами. Просто никто не хочет делиться своим мастерством за так. Дорогим магистрам не нужны соперники.

– А в Коллегии не так уж много мест, – подхватил Лука. – Но у нас есть отличная возможность многое узнать самим. Посмотри, сколько всего!

Восхищение его было искренним и неподдельным. Жерар ещё ни разу не видел Луку таким взволнованным. Лекой огляделся. Небольшая комната, размером с его спальню в Орхане. По углам сундуки, покрытые пылью и паутиной, и книжные полки до потолка – видимо, защищённые магией, так как книги находились в идеальном состоянии. Жерар подошёл к одной из полок и пробежался глазами по корешкам.

– "Тайные ритуалы жрецов Сета и Анубиса", "Правила вызова демонов Третьего круга", "Обретение силы на обрядах крови"... хм, мрачновато. Да за одно это могут отлучить от Церкви и признать еретиком и чернокнижником. А это что? "Принцип заклинания духов природы"!

Тут он выпал. Это же легендарный фолиант! От него сохранились лишь жалкие обрывки, которые берегли как зеницу ока. Впрочем, даже то, что сохранилось, было недоступно для простых магикусов – слишком уж опасным считалось умение управлять элементами и природными силами.

– Что за книга? – Люка с любопытством подошёл ближе и недолго думая выдернул тяжёлый томик с книжной полки. – Это как ветер вызывать? Так вроде все магистры это умеют.

– Не только ветер. С помощью этих заклинаний можно управлять огнём и водными потоками. Вызывать дождь и град, и даже двигать камни. И это всё без долгих и трудоёмких ритуалов!

– Ну, камни и я двигать могу, если они не очень тяжёлые? – и без всякой магии, – рассеянно сказал Лука, переключаясь на другие книги. Погодная магия его не интересовала. Зато его привлекли книги с серебристым тиснением и изображением золотых крыльев, символизирующих Церковь Иеронима – Что-то тут много церковных книг. С чего бы у тёмного мага такой интерес к богословию?

Жерар равнодушно пожал плечами, полностью уйдя в чтение. Лука достал одну из книг – "Благочестивые упражнения енохианского ордена", пролистал и недоумённо нахмурился. Богословие? Нет, скорее уж, описание неких мистических практик, цель которых была не слишком ясна. На форзаце книги был размещён смутно знакомый знак – чёрная ветвь без листьев, обвитая трёхглазым змеем. И на других "церковных" книгах то же самое. И все они написаны членами ордена святого Еноха.

– Ты слышал про святого Еноха? – задумчиво спросил Лука.

– Какого именно? Который проповедовал диким львам, или который в одиночку обратил в бегство целую армию язычников, явив им гнев Господень?

– А какого из них изображают со змеем и ветвью?

– Второго. Но это апокрифическая история, её мало кто из отцов Церкви признаёт. Слишком мало жизнь Еноха Хемельского была похожа на жизнь нормальных святых. Его канонизировали конечно, но почитателей он после себя не оставил. Уж больно суров был, даже Вефелия по сравнению с ним показалась бы безобидной.

– А ты откуда про него знаешь?

Лука считал, что он неплохо разбирается во всей этой религиозной чуши, но про Святого Еноха слышал впервые, хотя этот знак явно где-то видел.

– Да как-то историк наш байки травил. Ты же знаешь, он любит всё нелепое и кровавое, а истории про Еноха из Хемеля отлично вписываются в эти две категории. Знаешь, почему его с ветвью в руках рисуют? Он ей лично выколол оба глаза одному императору. Енох вообще любил людям что-то выкалывать и вырывать, пунктик у него не человеческих органах был. А что?

– Да вот, книжку его последователей, тех самых, не существующих, нашёл, – иронично сказал Горгенштейн.

– Да кому интересны эти сказки, когда тут такое, такое... И это мы ещё в сундуках не смотрели!

В сундуках, к счастью не запертых, были золотые монеты. Зачарованный блеском металла, Жерар протянул руки, намереваясь зачерпнуть горсть золота, Но Лука оттолкнул молодого мага.

– Не будь дураком! Мы в тайнике самого Гохра. Сокровища вполне могут быть зачарованы или прокляты.

Жадный блеск в глазах Лекоя угас, сменившись мрачной сосредоточенностью. Он провёл рукою над открытым сундуком, что-то шепнув себе под нос, и перед юными магами предстал истинный вид "сокровищ". Сундук был набит трухой и гнилушками.

– Ты был прав, – разочарованно сказал Лекой. – Это эльфийское золото.

– Я думал, что эльфов не существует.

– Эльфов может быть не существует, а эльфийское золото – вполне. Его иногда находят в глухих чащах и у подножий гор. Распознать легко, если знать нужное заклинание, но те, кто его находят, редко оказываются магами, как ты понимаешь. Да и не у каждого мага умишка хватит проверить найденные "сокровища". И ладно бы люди просто обманывались – так ещё и те, кто слишком долго держит у себя, начинает болеть, и вскоре умирает.

Лука опасливо отодвинулся.

– Не бзди, – снисходительно улыбнулся Лекой, захлопывая сундуки. – Пока ты не касаешься золотишка, ничего тебе не будет. Непонятно только, зачем сумасшедший колдун держал эльфийское золото при себе.

Горгенштейн пожал плечами, не обращая внимание на недовольное шевеление куклы за пазухой.

– Ну, ты же сам сказал сумасшедший. Значит, золото мы трогать не будем. И книги, чур, не выносить.

– А переписать часть заклинаний можно?

– зубри наизусть, – отрезал Лука.

– Суров ты, Лукреций. Впрочем, чего ещё ожидать от тёмного мага, – насмешливо сказал Жерар.

– Не называй меня так!

– А как ещё тебя называть?

– Ты видел, чтобы я творил запретную волшебку? Видел, нет? Ну так и молчи, – огрызнулся Горгенштейн. – А если решишь проявить гражданскую сознательность, и сдать меня Коллегии, помни, что даже того, что ты увидел и в чём участвовал, хватит для того, чтобы на всю жизнь поставить на тебя клеймо отступника. Тебе едва ли даже дадут закончить Орхан, так что о лицензии мага можешь забыть.

Глаза Жерара сузились и недобро заблестели. Он навис над мальчиком, и Лука, обычно не боявшийся чужого физического превосходства, сжался. Лекой был гораздо сильнее его, а магией он его сейчас точно не одолеет. Тьма внутри него была почти полностью исчерпана, да и опыта у него было гораздо меньше, чем у Жерара. А ведь он думал, что загнал в ловушку Жерара, не оставив ему никакого выхода, но и сам оказался в ней.

– Ты не сможешь без меня выбраться! – отведя взгляд, сказал Горгенштейн.

– Мне хватит умения тебя заставить.

– Не советую тебе со мной ссориться, – вскинул подбородок Лука.

– Не советую тебе когда-нибудь мне больше угрожать, – зловеще сказал Жерар. – Я ведь уже говорил, что не собираюсь отдавать тебя Коллегии, но если ты, тёмный ты или белее снега, вздумаешь творить злодеяния с помощью полученных тобой от Гохра знаний, я лично приду за тобой и сверну твою шею.

– Ну, смотря что ты понимаешь под злодеяниями, – пробормотал Лука, жалея сейчас, что решил сохранить жизнь Лекою несмотря на то, что магистр Гохр был против этого.

– Поднятия кладбищ, массовые убийства, жертвоприношения – вот что я понимаю под злодеяниями, – рука Жерара тяжело опустилась на плечо Луки и сжала его до боли. – Я буду следить за тобой, Горгенштейн. И если решу, что ты излишне зарвался, то уничтожу тебя, не задумываясь.

– А кто будет следить за тобой? Я видел, какими глазами ты смотрел на ту книгу по магии стихий. Вдруг ты решишь наслать на наш город огненный дождь? – ладони Луки мягко легли на чужие запястья, заставляя Жерара разжать стальные тиски.

– Ну так я же не псих!

– Я тоже. Я хочу жить в этом городе, в этой стране, продолжать учиться, и мне не нужны толпы озверевших фанатиков, пришедших по мою душу. Я буду осторожен, и надеюсь, будешь осторожен и ты. Нам придётся научиться доверять друг другу.

– Поклянись мне, что не будешь заниматься тёмными искусствами, тогда я начну доверять тебе, – потребовал Лекой.

– Не могу. Ты не знаешь, о чём просишь.

Жерар смерил мальчишку взглядом. Тот стоял напротив него – хрупкий, уставший, совсем не похожий на злого чернокнижника. Но внешность обманчива, а из милых щенят иногда вырастают злобные псы. Сейчас он слаб и уязвим, но сможет ли он остановить его потом, когда он наберёт силы?

– Да, чёрт с тобой, – выругался Жерар. – По рукам. Я молчу об этом тайнике и о твоих тайнах, пока они не несут угрозы другим, ты же мне даёшь доступ к местной библиотеке и запасам золота.

– Ты не должен трогать...

– Да понял я! Не дурак. Пошли лучше, выход покажешь.

– Может, здесь переночуем? Столько всего неизученного.

Уходить Горгенштейну не хотелось. Хранилище манило своими ещё не открытыми тайнами.

– Будет время, – твёрдо сказал Жерар, – а сейчас домой и отдыхать. Да и сестра будет волноваться, если я не появлюсь.

– А что, ты перед ней отчитываешься? – ехидно спросил Лука.

– Только когда отправляюсь на авантюры с подозрительными типами. А вдруг бы ты меня прикончил?

– С чего бы? – обиделся Лука, как будто не он совсем недавно думал о том, стоит ли избавляться от ненужного свидетеля.

– А чего ещё ожидать от храмового вора?

– Эй, ты был там со мной!

Больше не мешкая, они покинули тайник. Выход из него оказался гораздо более безопасен и удобен, чем вход. Единственная в комнате дверь вела в узкий коридор, который, петляя, вывел их к лестнице, выбитой в камне, а та, в свою очередь, в пещеру, скрытую от любопытных глаз густой растительностью. Как только они вышли, как вход в пещеру сомкнулся, как будто его никогда и не было.

– Круто! – восхитился Жерар, касаясь поверхности камня. – И ведь самое главное, никакой магии не чувствуется. Душу бы продал за такие умения.

– Ну, в тайнике была книга по демонологии, так что можешь попробовать, – пожал плечами Лука.

– Да иди ты!

Так, переругиваясь между собой, снимая напряжение прошедшего дня, они вышли на дорогу, ведущую в город. Часы давно уже перевалили за полночь, и обычно оживлённый тракт был пуст. Но стражники всё же бдели у ворот.

– Кто тут ещё? – недовольно произнёс часовой, наставив на них алебарду.

– Мы ученики Орхана. Возвращаемся домой, – вежливо ответил Жерар, так как Лука явно не собирался разговаривать со столь грубыми людишками.

– Чего так поздно? Заучились что ли? – снисходительно поскрёб пузо второй, кивком головы давая отбой своему излишне бдительному напарнику. Орханцев тут знали, как и то, что конфликтовать со школой не стоит. – Да вы, ребята, совсем молокососы. Вас кто-то встречает?

– Нет. Но нам тут недалеко. Мы дойдём.

– Ну смотрите у меня. Если что, кричите.

– А что, прибежите? – всё же не смог промолчать Горгенштейн.

– Неа, зато будем знать, куда соваться не стоит, – заржал шутник. – Проходите давайте, нечего тут торчать.

Жерар благодарно кивнул и торопливо зашёл внутрь, Лука поспешил за ним. Но не успел он сделать и пять шагов, как его вновь окликнули.

– Эй ты, малой! Я тут вспомнил. Ты же этот... Горуштай?

– Горгенштейн, – процедил Лука, ненавидевший, когда его фамилию коверкают.

– Да без разницы. Тебя тут одна мадам искала вроде. Спрашивала, не проходил ли тут мальчишка твоего роста, из Орхана. Мамка твоя, походу.

– И что?

– А ничё, – захохотал вновь весельчак. – Домой спешу, вот чё, пока твоя мамка тебя сама тебя не нашла и башку не свинтила. Злющая была баба, у-ух.

Лука ошутимо побледнел, это было заметно даже в свете фонарей.

– Всё-таки матушка решила проведать меня в Орхане. Мне не жить.

– А ты её сам первый убей и оживи снова, тогда она будет как шёлковая, – прошептал ему на ухо Жерар, гадко улыбаясь. – Ты же такое должен уметь, тёмный.

Лука вздрогнул и оглянулся, как будто опасаясь, что их могут подслушать.

– Ты бы это... завязывал бы со своими шуточками.

– Да не злись, – похлопал его по плечу Жерар. – Пойдём, до дома тебя провожу. А то мало ли что. Выглядишь прям беззащитной жертвой, вдруг кто клюнет, придётся потом мне от трупов несчастных грабителей избавляться. Всё-всё, уже заткнулся!

Дома Луку ждал не слишком ласковый приём, но мать, немного пошумев, достаточно быстро отпустила уставшее дитяtko в постель. А вот на следующее утро его ждало выяснение с гораздо более проницательным собеседником. Лавель Горгенштейн, проспавший субботнюю утреннюю службу, и заснувший прямо посередине вечерней, вернувшись обратно к себе в спальню, заметил несколько посторонних следов рядом со своим домом, а затем и пропажу.

– Ты зачем взял эту кость? – шипел Лавель, тряся младшего брата за воротник. Тот стоически сохранял спокойствие, дожидаясь, пока его обычно спокойного брата отпустит.

– А чего ты её не выкинул?

– Освятить хотел, прежде чем уничтожить, а потом забыл про неё!

– А я ничего не забываю. Вот и забрал свою собственность.

– Маленький подо... а-а-а, хватит пинаться!

– А ты хватит меня душить!

Матушка, услышав шум, заглянула в комнату и поинтересовалась:

– Мальчики, у вас там всё хорошо?

– Я тут его учу правильно поклоны в храме бить, – прижимая к себе Луку в удушающих объятиях, и не давая ему вырваться, сказал Лавель. – Он ведь так интересуется служением Господу нашему Иерониму. Правда ведь?

Тот полузадушено кивнул, и мать, кинув на своих "маленьких ангелочков" любящий взгляд, покинула их.

Лука тут же вырвался, волком глядя на Лавеля.

– Ещё хоть пальцем тронешь, я на тебя сыпь наведу! Вот твои прихожане обрадуются священнику в праздничный красный горошек.

Лавель устало сел на кровать, и, не удержавшись, зевнул. Действие сонного порошка еще сказывалось.

– Нет в тебе, Лука, ничего святого. Ты мне скажи лучше, почему ты к епископу Бромелю не ходишь? Он ждал тебя ещё на той неделе.

– Я пуст. Исчерпал себя почти полностью. Кажется, во мне совсем не осталось Тьмы и я излечился.

– А если епископ проверит тебя с помощью того мага, Литрана?

– Пусть проверяет, он ничего не сможет обнаружить.

По крайней мере, Лукреций так надеялся. Надо бы Гохра спросить. Есть же способы укрыться от проверки?

– Я больше не собираюсь к нему ходить. Мне не нужны услуги епископа, – высокомерно сказал Лука.

Молодой священник лишь горько покачал головой, предчувствуя неприятности для своего младшего брата.

Следующая учебная неделя прошла спокойно. Уроков было не больше обычного, ученики не слишком старались, но всё же ходили на занятия, а учителя регулярно позволяли себе отвлекаться на посторонние темы. Учебный год только начинался, и до экзаменов было слишком далеко. Лука вёл себя как обычно, впрочем, как и Жерар. В школе они не перемолвились ни слова.

А на следующей неделе грянул гром – школу посетила высокая проверка из Коллегии. Высоким гостем, по странному совпадению, был магистр Ортега Литран, одетый в этот раз гораздо более сдержанно – лишь, пожалуй, красные сапоги, выглядывающие из под официальной мантии, выдавали его эксцентричный вкус. Алхимик, кажется, даже не заметил Лукреция

Горшенштайна в толпе его однокурсников, лишь мимолётно мазнул взглядом, ничем не выделяя среди прочих. А вот Луку прибытие друга епископа Бромеля насторожило. И как оказалось, не зря.

Начался урок по Руннологии, и Лука, скучая, выписывал в своей тетради аккуратные закорючки Вальдо. В дверь постучали, нарушив сонную атмосферу класса. Зашедший секретарь что-то шептал учителю на ухо, тот кивнул, окинул взглядом класс, задержавшись на Луке и сидящем перед ним рыжеволосом юноше.

– Лукреций Горгенштейн, Бенедикт Кохир, следуйте за господином Ферго. Вас, как лучших учеников третьего года обучения направляют на беседу с официальным представителем Коллегии. Это большая честь и большие для вас возможности. Старайтесь не опростоволоситься.

Провожающие взгляды были скорее сочувствующими, чем завистливыми – от надутых господ из Коллегии никто ничего хорошего не ждал.

– Вот свезло так свезло, – кисло пробормотал Бен, неохотно волоча ноги за спешащим секретарём.

Сам он был вторым сыном пограничного барона, и больше мечтал о военной карьере, чем о магическом поприще. Но магический дар его был так силен, что даже не прилагая особого старания в учёбе, он с лёгкостью обходил большинство одноклассников и даже ребят старше курсом. Луку считали скорее старательным, чем на самом деле талантливым, и он не спешил развеивать это заблуждение. К первенству Горгенштейн не стремился, хотя свои умственные способности демонстрировал легко и непринуждённо, и Бену это отсутствие соревновательности весьма нравилось. Он даже бы подружился с Лукрецием, но тот на любые попытки с ним сблизиться или заговорить отвечал пустым равнодушным взглядом, от которого становилось не по себе. Вот и в этот раз он никак не отреагировал на попытку Кохира поддержать беседу.

Глава 5.

У кабинета, который занял алхимик Литран, уже собралось несколько учеников. Помимо третьего курса тут был и четвёртый, а также уже лицензированные маги второй ступени обучения, учившиеся пятый и шестой год. Всего, вместе с Бенедиктом и Лукой, семь человек, среди которых был и Жерар. Единственно свободное место было рядом с ним, и Лука, чуть замешкавшись, всё же уселся рядом с Лекоем.

– Ну всё, приплыли, – мрачно шепнул Жерар ему на ухо. – Тут нам и хана. Жалко, с папаней и тёткой не успел попрощаться, и братьям прощальных пинком понаотвешивать.

– Это не по твою душу, а по мою, – не глядя на него, ответил Лука.

– От этого не легче. За собой же потянешь.

– Ничего они не сделают. Поверь мне, у этого магистра само рыльце в пушку.

Дверь зловеще (как показалось Луке и Жерару) заскрипела, и из кабинета вышел немного недоумевающий четверокурсник.

– Лекой, тебя.

Жерар мрачно посмотрел на Луку и зашёл в кабинет. Как только дверь за ним закрылась, одноклассника Лекоя тут же облепили оставшиеся.

– Ну что, о чём спрашивал? По школьной программе гонял?

– Успехи его интересовали, интересы. Чем хочу заниматься после Орхана. Тест дал порешать, потом что-то там проверял с помощью магии – уровень дара, что ли, – понизив голос, заговорил старшекурсник.

– Камень шупать не давал? – деловито поинтересовался Лука, и был вознаграждён насмешливыми и удивлёнными взглядами остальных.

– Ни камень, ни чего другого, – растерянно ответил парень.

Кто-то хохотнул:

– Это хорошо, а то с этими... магистрами никогда точно не скажешь, что они шупать там будут. Этот мужик похож на извра... ай-ай, уважаемый директор, это я не про вас! Не трогайте моё ухо!

По мнению большинства учеников, да впрочем и преподавателей Орхана, главным талантом директора Гальдера были вовсе не его магический дар и организаторские способности, а умение появляться вовремя именно тогда, когда это нужно.

Гальдер, не отпуская ухо юного наглеца, грозно оглядел притихших юнцов.

– Вам смешно? – тихо спросил он. – Смешно? Я сейчас сделаю вам смешно. Рене Зиммель, с этого дня и до окончания учебного семестра вы будете исполнять обязанности кухонного помощника бессменно. И да, сейчас вы можете идти. Прямо на кухню, и не пробуйте увильнуть. Айзек!

– Да?

Одноклассник несчастного шутника вскочил по струночке.

– Кто у вас в классе ещё хорош?

– Грета Морта, – проблеял ученик.

– Надеюсь, ты подразумеваешь не физические характеристики? – едко заметил директор. Айзек панически замотал головой. – Девка, конечно, ну да ладно. Может, и от неё будет толк. Зови её сюда. Зиммель, ты ещё здесь? Я же сказал, иди на кухню.

Перед уходом директор ещё раз хмуро оглядел учеников, и одарил Луку особо "ласковым" взглядом:

– Горгенштейн, постарайся быть повежливее в этот раз, если хочешь чего-то добиться, а не стать дворовым магом у кого-нибудь вроде Зиммеля.

За два года обучения Луки в Орхане это был первое, хоть и весьма завуалированное, проявление внимания со стороны директора к одному из младших учеников. Как бы ни стремился Лука не привлекать излишнего внимания, но Гальдера было обмануть не так-то просто. Весь его тридцатилетний опыт обучения юных магов позволял ему видеть не только потенциал того или иного ученика, но и то, насколько тот способен этот потенциал раскрыть. Директору молодой Горгенштейн напоминал коробку с сюрпризом – притом, какой сюрприз попадётся, зависело только от того, кто открывал. И с какой целью.

Лукреций склонил голову, то ли благодаря, то ли соглашаясь демонстрировать приличное поведение.

После Жерара была очередь Айзека, затем Морта, раздражительной девицы с огненно-красными волосами. Двое шестикурсников сидели у магистра дольше всех, и один из них вышел сияя, впечатлив всех новостью, что по окончанию Орхана его берут на стажировку в Коллегию. Невиданная удача! Второй промолчал, но то сдержанное торжество, с которым он держался, говорило о том, то и ему что-то обломилось.

Учеников третьего года обучения томили дольше всех. Бена пригласили предпоследним, оставив Луку дожидаться своей очереди в одиночестве. То, что он остался в самом конце, его не слишком радовало. Возможно, стоило уйти. Конечно, директор будет недоволен, но зато он сможет избежать встречи с магистром Литраном. Любопытство оказалось сильнее. В конце концов что ему может сделать алхимик в школе?

Наконец Бенедикт вышел, осоловело хлопая глазами.

– Горгенштейн, иди. Тебя ждут.

Лука замешкался, всё ещё думая о том, что он может попробовать уйти, когда его поторопил голос из кабинета.

– Лукреций Горгенштейн? Заходите, не будем тратить моё и ваше время.

Кабинет выходил на солнечную сторону, но сейчас шторы были плотно завешаны, сохраняя прохладный полумрак в комнате. Горела лишь лампа на дубовом столе, освещая сам стол и того, кто за ним сидит.

Дождавшись кивка, Лука сел в жёсткое, гораздо более неудобное, чем у самого магистра, кресло напротив стола и напряжённо застыл. Алхимик оторвался от своих бумаг и приветливо на него взглянул.

– Добрый день, Лукреций. Расскажите немного о себе и об учёбе здесь.

Очевидно, Литран решил сделать вид, что они незнакомы.

Говорил о себе Лука скупое. Сын торговца, в следующем месяце ему будет пятнадцать. В Орхане он поступил в двенадцать. Успехи? Неплохо даётся Руннология, Алхимия и Маггеория, уже способен создавать сложные плетения, которые не всем даются даже на четвёртом курсе. Собирается ли он продолжать обучаться магии после окончания четвёртого курса? Нет, ещё не знает. Пока стезя мага его не слишком привлекает, хотя магические умения он находит безусловно полезными.

Тут Литран бросил на него столь острый взгляд, что Лука едва подавил желание отодвинуть стул подальше.

– Не привлекает? Жа-а-ль. Я вижу по вашим оценкам, что вы также питаете интерес к богословской тематике. Вы, я так полагаю, ревностный прихожанин? Какой храм вы обычно предпочитаете посещать?

– Храм святой Терезы. Там служит мой брат, – осторожно ответил Лука, и не смог удержаться от небольшой шутки, понятной только ему и отсутствующему здесь Жерару: – Я был там буквально на днях.

– Небольшой, но уютный, – одобрительно кивнул Ортега. – Но вы бывали на проповеди епископа Бромеля в соборе Восшествия? Он обладает редким даром слова.

Лука молчал, с досадой думая, что всё же ошибался, когда решил, что появление Бромеля здесь случайно.

– И он может быть весьма убедителен, – вкрадчиво продолжил алхимик. – Не так давно он поднимал в личной беседе со мной одну весьма интересную тему... о нарушении обетов и о карах, которые за ними следуют. И вспомнил известный ему пример. У Его Святейшества был пёс, обладающий редкой, и весьма опасной болезнью. Отец Доминик пожалел несчастное животное, и не отдал его живодёрам, как следовало, но тот отплатил ему чёрной неблагодарностью, и укусил руку помощи, которую ему протягивали. Что оставалось милостивому епископу, если он больше не мог контролировать несчастного пса? Только усыпить его.

Ортега встал из-за стола, и теперь неспешно вышагивал за спиной Луки. Мальчик еле сдерживался, чтобы не вертеть головой.

– Весьма познавательная история, – ответил Лука, стараясь сохранять хладнокровие. – Но разве это достойно божьего человека, убивать живое существо? И разве не падёт тень на епископа, когда узнается, что он скрывал от остальных о болезни животного? Хотя кто сможет об этом узнать – это же была всего лишь собака! А вот если бы речь шла о человеке, который вполне себе обладает даром речи, и едва ли будет держать в себе эту историю... Историю, к тому же затрагивающую одного весьма уважаемого мага.

Лука красноречиво замолчал. Он дал понять, что не собирается тонуть в одиночку, и обязательно прихватит с собой Бромеля и Ортегу. В конце концов, они официальные лица и должны держать лицо. Едва ли им охота быть замешанным в грязную историю с запретным волшебством.

Но в этот раз Гогенштайн недооценил своего противника. Потому что не по правилам действовать мог не только он.

Жёсткие пальцы вцепились Луке в горло, а его запрокинутая голова больно ударилась о деревянную спинку кресла. Сверху на него смотрели побелевшие от ярости глаза алхимика. Его перекошенное лицо теперь не казалось забавным и безобидным.

– Самодовольный щенок! Вздумал меня шантажировать? Думаешь, многие поверят клевете тёмного мага? Да и захоти я от тебя избавиться, я найду гораздо более удобные способы. У алхимиков, знаешь ли, есть свои средства... убрать ненужных людей.

И тут Лука по-настоящему струхнул. Орханский преподаватель алхимии не учил студентов первой ступени ядоделанию, но существование смертельных, и самое главное, практически необнаружимых ядов не скрывал. "Говорят, – рассказывал он, – что самое глупое, что может сделать враг алхимика, это сесть с ним за один стол. Но есть такие вещества, которые могут попасть в организм не только с помощью еды и питья, но и через прикосновения, царапины... и даже чужое дыхание". Возможно, Лука уже отравлен, но пока это не понял. Он просто может умереть во сне, и никто не сможет доказать, что в этом виновен Ортега!

– Вижу, ты понял, – гнусно ухмыльнулся маг. – Всё ещё хочешь играть в свои игры, мальчик?

Горгенштейн не умел быть вежливым с тем, кто ему не нравился, да и не видел в этом необходимости, но теперь он понял, что ему немедленно стоит менять жизненные приоритеты. Что ж, это было неприятным, но жизненно важным уроком – не только Лука был способен играть не по правилам. Более того, некоторые уважаемые и весьма благопристойные на первый взгляд господа способны на большую жестокость и беспринципность, чем он мог думать, и это стоило учитывать... чтобы в следующий раз, когда он решит противостоять епископу и его приспешникам, он не был захвачен врасплох.

– Я... – Лукреций попытался разжать онемевшие пальцы отпустить подлокотники кресла, – ...я отправлюсь к отцу Доминику при первой же возможности. Мне не хотелось вызвать ваше неудовольствие, магистр.

Смирение в голосе давалось ему с трудом, но от этого его раскаяние, вызванное страхом, казалось более убедительным. Литран разжал пальцы и брезгливо вытер их о коричневый сюртук студента. Юноша с трудом подавил дрожь отвращения.

– Что ж, надеюсь на это. Стоит ли говорить о том, что если ты попытаешься рассказать кому то о нашей беседе, это может плохо сказаться на твоём здоровье и карьере твоего брата?

Горгенштейн покаянно склонил голову.

– Я буду послушен, магистр Литран.

Ортега Литран вновь сел за стол, ещё раз смерил Лукреция недобрым взглядом, а затем вновь уткнулся в бумаги, лежащие перед ним. Голос его вновь приобрёл светские нотки.

– Что же, Горгенштейн. Я рад видеть, что вы так серьёзно относитесь к учёбе. Вижу, у вас есть успехи и в моей дисциплине – алхимии. Обычно к концу третьего курса студенты уже определяют сферу своих интересов и выбирают себе научного руководителя. Я возьму на себя смелость, и предложу вам свою кандидатуру. Моё покровительство высоко ценится, так что не упускайте свой шанс, Лукреций.

Лука сглотнул. Это предложение было явно не из тех, от которых отказываются. Но это не значило, что не стоит и пытаться.

– Это большая честь, но вы, я полагаю, весьма заняты делами Коллегии... – ногти алхимика весьма красноречиво царапнули по дубовой поверхности стола, и интонации мальчика сразу изменились. – ... поэтому я благодарен вам всей душой за то что вы готовы уделить мне своё драгоценное время.

Горгенштейн быстро учился. Что ж, если ради того, чтобы выжить и свалить отсюда ему нужно лебезить и пресмыкаться перед магистром, то он сделает это. А потом убьёт Ортегу – чтобы ничего не напоминало ему о позоре.

Прошло ещё не менее получаса, прежде чем студент едва не вывалился из кабинета на свободу. Завернув за ближайший поворот и найдя полускрытую за статуей нишу, он привалился к стене, но тут же был обнаружен Жераром.

– Ну что? – с жадным любопытством спросил старшекурсник.

Лука лениво отмахнулся.

– Всё в порядке. Тебя это никак не касается.

– А тебя? – тут же вычленил главное Жерар, отлично умеющий читать между строк.

– А вот это уже не твоё дело, – огрызнулся Лукреций.

– Ну уж нет. Вляпаешься в переплёт, потянешь меня с собой. Выкладывай, что там у тебя за дела с этим магистром.

Горгенштейн бросил на Жерара волчий взгляд, и тот несколько сбавил свой напор.

– Ну не хочешь говорить, не говори. Лучше скажи ка мне, когда мы сможем вновь наведаться в наш тайничок. У меня аж руки чешутся, так хочется полазить в книжных завалах.

– После выходных, – неохотно ответил Лука. Прежде чем дальше экспериментировать с тёмной магией, ему следовало наведаться к епископу Бромелю, чтобы понять, насколько вообще теперь для него возможно изучение тёмного искусства.

Посещение собора Восшествия прошло на удивление мирно. Отец Доминик был дружелюбен и разговорчив, вот только на процедуру "очищения", как называл её священнослужитель, позвал ещё и алхимика Лекоя, а его обмануть было не так уж легко.

В этот раз магистр дремал у широко светлого окна и не вмешивался в процедуру, но как только Лука отложил от себя последний лунный камень, наполненный тьмой под завязку, Ортега в один миг оказался перед мальчишкой.

– Ну-с, что тут у нас, – бормотал он, вертя голову Луки в разные стороны, и едва ли не облизывая его.

В другое время Лука бы уже весь изошёл от возмущения, но сейчас он не мог позволить себе тратить силы на злость. Нужно было во что бы то ни стало скрыть от мага ту тьму, что таилась где-то в глубине его сущности.

– Ну-ка, колдани мне что-нибудь, – приказал ему Литран, и Горгенштейн послушно выполнил одно из самых простых упражнений первого курса, создав в воздухе энергошар. Идеальный энергошар, в котором не было ни крупицы тьмы.

Затем Лекой тщательно исследовал заполненные лунные камни, изредка загадочно хмыкая, а один раз даже бросив уважительный взгляд на Луку.

– Мальчишка чист, но уровень тьмы в нём повысился значительно с тех пор, как я в последний раз его проверял, – доложил наконец алхимик. – Эти камни едва ли не дымятся от переизбытка силы.

– Наш юный подопечный, надеюсь, не практикует тёмные искусства?

Ортега лишь пожал плечами.

– Так просто и не скажешь. К сожалению, остаточные следы магии проходят за несколько часов. Но вряд ли он вообще когда-либо сможет сделать что-то большее, чем просто стихийный выплеск тьмы. Тёмные искусства невозможно изучить без наставника, а последнего тёмного мага извели несколько сотен лет назад.

Наконец Луку выпроводили и важные господа принялись обсуждать свои безусловно загадочные дела без него. Уже у самых дверей, боковым зрением Лукреций увидел неприметно висящую на стене и почти незаметную между прочих картин эмблему – трёхглазую змею, обвивавшую чёрную ветвь. Так вот где он видел енохианский символ!

Юноша помялся у закрытых дверей, борясь с желанием применить заклятие подслушки, но вспомнив о том, что за дверями сидел магистр магии, быстро охладел к этой идее. Домой идти не хотелось, да и не было сил – в этот раз процедура очищения была для него особо изматывающей. Поэтому вместо того, чтобы направиться к выходу, Лука решил немного побродить

по резиденции епископа, под которую было отдано прилегающее к собору здание. К большому удивлению молодого мага, на слоняющегося по коридорам подростка никто не обращал внимания.

Резиденция поражала. И дело было даже не в шикарном виде из окна – на ухоженный внутренний дворик и мраморные стены собора, украшенного благочестивыми фигурами святых и разноцветной каменной мозаикой, а в том, с каким удобством и роскошью были обставлены внутренние помещения. Мягкие диваны и шёлковые подушки, на которых пристало возлежать куртизанкам, а не монахам вести богоугодные разговоры. Картины, на которых святые выглядели отнюдь не измученными и гонимыми за веру, а казались весьма упитанными и довольными своей жизнью. Толстые ковры, которым самое место во дворцах восточных пашей. Но больше всего Луку добила епископская библиотека, на которую он набрёл во время своей прогулки. Удивительно было признавать, но возможно даже обнаруженный им и Жераром тайник проигрывал этой библиотеке – не только по количеству книг, но и по ценности хранимых в них знаниях. К сожалению, как оказалось, в основном богословских. Но Лука и не искал магических секретов – сейчас ему нужно было совсем другое. Его интересовал орден Еноха Хемельского, о котором так мало знал даже и его брат, а дух Тобиаса Гохра, запечатанный в кукле, и вовсе отказывался о нём говорить, бормоча лишь о том, что последователи Еноха прокляты в веках и небом, и преисподней. Удивительно религиозен оказался этот давно почивший тёмный магистр!

Пятнадцать минут бесцельного изучения бесконечных полок и Лука сдался, рискнув обратиться к мирно дремавшему в тихом закутке пожилому библиотекарю. Тот, очевидно приняв аскетично выглядящего юношу за молодого монашка, совсем не удивился его интересу, и просто махнул рукой в нужную сторону.

– Левый ряд, с пятой по седьмую полку, – зевнул он, и Лука почтительно кивнув, поспешил скрыться от взгляда хранителя книг, пока тот не разглядел его получше.

Он, пожалуй, слишком торопился, потому что не углядел и пребольно ударился боком о неудачно стоящий стол, скинув лежащие на нём фолианты на пол. Сидящий за столом мужчина совсем не благочестиво чертыхнулся и Лука тут же кинулся поднимать бумаги. Какое же было его удивление, когда он подняв глаза, встретился со столь же удивлённым взглядом своего учителя богословия, Йохана Шварца.

– Горгенштейн? Ты-то тут что забыл?

Шварц поспешно забрал книги и свитки из рук Луки, не дав любопытному подростку увидеть, что же святой отец изучал.

– Я это... к своему исповеднику ходил, – не придумав ничего лучшего, соврал Лука.

– Исповеднику? – Йохан удивлённо поднял брови высоко вверх, отчего на высоком лбу собрались морщинки. – Только не говори, что в исповедниках у тебя Его Святейшество!

– Ну... мой брат у отца Доминика на хорошем счёту.

– Надо же, – пробормотал учитель, и схватив юношу за плечо, поволок его к выходу. – Пойдём. Тебе здесь не место.

– Эй, я же только что пришёл! – возмутился Лука. – Его Святейшество разрешил мне тут...

– Поверю, если только Его Святейшество сам мне об этом скажет, – прервал его Шварц. – Да Бромеля бы удар хватил, если бы он узнал, что по его драгоценной библиотеке шастал маг. Не любит он вашу братию большой и чистой любовью. Кстати, что ты тут искал? Всё еретическими трудами интересуешься?

– Теперь апокрифическими, – запрокинув голову, чтобы видеть лицо долговязого Йохана, ответил Лука. – Хотел найти что-нибудь про Еноха Хемельского и его орден.

Шварц как-то странно дёрнулся и заозирался.

– А для чего тебе это? Кто тебе вообще о нём рассказал?

– Вы, – ответил почти чистую правду Лука.

– Да не может быть! Чтобы я студентам третьего курса голову этим забивал!

– Ну, допустим, голову вы забивали не нам, а старшекурсникам, – поправился тут же Горгенштейн, – но всё же вы о нём говорили. А что, нельзя было? Это что-то секретное?

Отец Йохан замялся.

– Да не то, что бы... Не думал, что хоть кто-то из вас, лоботрясов, меня слушает, да и ещё понимает. Наверное, я мог упоминать святого Еноха, – неохотно подтвердил он. – Но что с того? Чем он тебя заинтересовал?

– Символ енохианского ордена – трёхглазая змея. Такая же, как и висит в кабинете Его Святейшества.

– Епископ любит антикварные вещи, – нахмурился Шварц. – Не думаю, что он является членом этого ордена, ибо тот распался несколько сотен лет назад. Но я всё ещё не вижу причины, чтобы тебе, как магу, это было интересно. И не говори мне про любовь к богословию, всё равно не поверю.

– Отец Йохан, вы же всё же преподаватель школы Орхана, уж вы-то должны разбираться в магической теории хоть немного, – укоризненно сказал Лука. – Вы же знаете, что подобная символика непосредственно связана с определёнными видами магического искусства. В алхимии, предсказании, древних гадательных практиках трёхглазая змея всегда выступала знаком смертельной опасности, тайны, несущей в себе угрозу. Разве не удивительное совпадение, что магический символ стал эмблемой святого ордена?

– Хорошо, хорошо, – проворчал священник, – я расскажу тебе о енохианском ордене. Если только ты обещаешь потом не болтать об этом языке.

– Обещаю. Но почему?..

– Потому что само существование подобного ордена, и тех обрядов, что они практиковали, дискредитирует Святую Церковь. Прежде всего, как противницу тёмных искусств. Видишь ли, хотя ни сам Енох, ни его ученики и последователи не были магами, они вполне успешно использовали познания, полученные от магов... хм, не самым дружелюбным образом. Орден появился ещё в те времена, когда Церковь действовала преимущественно огнём и мечом, а не с помощью убеждения и бюрократического аппарата. Тогда вероятность начала войны с магами, войны на уничтожение, рассматривалась вполне серьёзно, и клирики искали любые способы победить врага. В том числе и его оружием. Орден Еноха изучал сущность магии, и искал способы подхода к ней. Достаточно быстро выяснилось, что это путь не особо эффективен – колдун с помощью магии может победить только другой колдун, а людям хватает и других способов. Колдуны горят на костре не хуже обычных еретиков, да и от болта арбалета магия едва ли может помочь. Но енохианцев не расформировали, как должны были. Их...

Мимо них неспешно прошли монахи, и Шварц замолк, почтительно склонив голову и потеснившись. Коридоры хоть и были достаточно широки, но явно не рассчитаны на толпу не самых худых монахов. Проводив их взглядом, учитель, понизив голос, продолжил:

– Дальше начинается весьма загадочная и запутанная страничка истории енохианцев. Кто-то говорил, что они продолжили собирать знание о магических практиках, просто каталогизируя их для потомков, но по некоторым данным известно, что они всё же открыли способ, который позволил им колдовать, не будучи магами. Колдовать... и многое другое. Один из самых мрачных слухов, который ходил среди иеронимцев в те времена, что они нашли способ подчинить себе саму тьму, и использовать её в своих целях. Собственно именно после того, как некоторые неприглядные подробности деятельности енохианцев выплыли наружу, и был собран Орхисский Собор, ставящий тёмную магию под полный и окончательный запрет. Именно из-за ордена, а не из-за горстки тёмных магов, не особо причиняющих беспокойства и занятых сугубо своими, тёмномагическими делами.

– Так значит епископ Бромель...

– Я же сказал, что нет! – рассердился отец Йохан. – Даже если ты видел в его комнате этот символ, это совсем не означает, что он может являться членом енохианского ордена. Тот давно уничтожен, и информации о нём почти нет. Все их тайны давно утеряны, да и тёмным искусствам давно уже нет места на земле.

Лука мог бы с ним согласиться, если бы сам не был бы тем самым тёмным, и не знал о Бромеле то, что он знает. Ордена может уже и не существовало, а вот его тайны явно кое-кого всё ещё интересовали. И едва ли с чисто научной позиции. Это было плохо. Меньше всего Луке сейчас хотелось бы быть втянутым во внутрицерковные интриги. Лукреций задумчиво посмотрел на Шварца: мог ли тот быть ему союзником и защитником, если дела для него пойдут плохо? Последние события явно показали, что он ещё не способен идти против епископа в одиночку. Йохан Шварц ведь был не так прост, как хотел казаться. Не дали бы заурядному священнику, пусть и со светлой головой, столь ответственную и сложную задачу – наставлять на истинный путь не слишком уж ревностных в вере магов. Наставлять, и, Лука был уверен, следить и докладывать. Да и о енохианском ордене он сболтнул совсем не случайно. Надо бы поспрашивать Лавеля, что он знает о Шварце.

Глава 6.

Поговорить с Лавелем о Шварце удалось лишь в осенние праздники, когда почти вся семья собралась под крышей дома. Не было только Томаса, ещё не вернувшегося со своей последней поездки, Равеля, служившего на севере, слишком далеко от родного дома, и Анны, недавно разрешившейся бремени третий раз (она явно собиралась идти по стопам матери), и поэтому безвылазно сидящей в мужнем доме. Зато София приехала не одна, а со своим мужем, пухлым и высокомерным сотрудником дворцовой канцелярии, едва ли годным на что-либо большее, чем переключивание бумажек, но обладающий весьма неплохими связями. Также папаша Горгенштейн пригласил к праздничному столу жениха дочери Миранды – Оливера. Будущий муж Миры на первый взгляд показался Луке немного глуповатым и излишне жеманным, но дальнейшее наблюдение за этим заграничным дворянчиком показало, что тот совсем не был лишён ума и амбиций. По крайней мере мужем Софи он так ловко крутил, что тот уже через полчаса выболтал все дворцовые тайны и сплетни, о которых ему и знать было не положено. А Оливер Гойне, троюродный племянник обедневшего растийского графа, явно хотел занять тёплое местечко при дворе Гортензы. И что-то говорило юному магу, что у Оливера это получится, не исключено даже, не без значительной поддержки жены, девицы на редкость хитрой и хваткой (что и помогло дочери торговца охмурить пусть и обедневшего, но всё же аристократа). Она была единственной из всех сестёр, с кем Лука не стал бы связываться – слишком изошрённой была её месть, и острым язычок.

Сейчас всё семейство собралось в большой гостиной, где младшая дочь семейства, Кристабель, не слишком успешно музицировала на пианино, а остальные члены семьи с большим или меньшим рвением делали вид, что наслаждаются прекрасными звуками. Лишь пожалуй близнецы Марк и Карл, на время праздников вернувшиеся в отчий дом из военной академии, о чём-то шептались у окна с Августином, то и дело перемежая свой шёпот хихиканьем, и не обращая внимание на раздражённые взгляды матушки. По её опыту, общение этих троих никогда не приводило ни к чему хорошему.

Марк и Карл с детства не отличались примерным поведением, но их шалости были хоть довольно изошрёнными, но не злыми и опасными. Они всегда знали, когда нужно остановиться. Да и воинская подготовка сказывалась на них явно в лучшую сторону – по крайней мере, на Карла, который помимо редких, плохо растущих усиков над верхней губой, приоб-

рёл весьма чёткие планы на жизнь – они ни много ни мало хотел стать в будущем генералом. Марк был гораздо более легкомысленен в своих увлечениях, но по привычке тянулся за своим братом, то ли поддерживая, то ли соперничая с ним. А вот Августин – матушка Горгенштейн кинула на него огорчённый взгляд, её разочаровывал. Она-то думала, что самый проблемный из её сыновей это Лукреций, но тот после поступления в Орхан вёл себя совсем как паинька, а вот его старший брат пошёл в разнос. Сначала бросил военную академию, ту же, в которой учились сейчас близнецы. Затем связался с дурной компанией, пропадая на улице днями и ночами, возвращаясь подчас зверски уставшим, пьяным, а один раз даже и окровавленным. После череды скандалов с отцом и слёзных бесед с матерью он просто ушёл из дома, хлопнув дверью, и теперь появлялся на пороге своего бывшего дома в лучшем случае раз в несколько месяцев.

Но всё же, госпожа Горгенштейн могла гордиться своими уже взрослыми сыновьями – темноволосыми и синеглазыми, высокими и изящными (пожалуй, кроме немного пухловатого и приземистого Лавеля и плечистых близнецов) красавцами, которых не портил даже крючковатый горгенштейновский нос. Жаль что пока даже старшие, Томас и Равель, не привели в дом невесту. Зато дочери её не подвели – ухажёров отваживала разве что замкнутая и нелюдимая Августина, единственная среди Горгенштейнов обладательница светлой копны волос и идеально прямого носа, но при её внешности можно было не опасаться, что она засидится в девках. Если оторвётся от книг, конечно же.

Матримональные размышления матушки огромного семейства прервал громкий и раскатистый храп господина Горгенштейна, тут же заглушивший музыкальные потуги Кресты, и знаменовавшие собой окончание вечера. Молодые люди, шумно желая друг другу добрых сновидений и крепкого сна, и трепетно прикладываясь к материнской ручке, один за другим просачивались к двери и исчезали где-то в глубине коридоров, притом, как подозревала их матушка, не все из них направлялись к своим комнатам.

Лука, подождав, пока Лавель выйдет из гостиной, направился за ним, надеясь поговорить с ним в его комнате, но к своему удивлению, Лавеля там не обнаружил, зато наткнулся на Августина и близнецов. Те встретили юного мага с подозрительным энтузиазмом, и пока замешкавшийся Лука не был способен сопротивляться, затащили его в комнату.

– Дело есть, – начал Карл.

– Важное, – лукаво подмигнул Марк.

– И вы-ы-годное, – расплылся в мечтательной улыбке младший из близнецов.

– Цыц, мелюзга, – прервал их Августин, лениво щуря разноцветные (один глаз голубой, а другой – мутновато-белесый, так и не восстановившийся после давней драки), и от того кажущиеся хитрыми-хитрыми глаза. – Я буду говорить. Дело к тебе есть, как к магу.

– Я ещё не полноценный маг. Нужно сначала школу закончить, – хмуро ответил подросток. – И я не собираюсь влезать в твои тёмные делишки, Ави, ищи других таких же дураков, как Марк и Карл.

– Да мне ничего особенного не надо. Одно лишь простенькое заклинаньице в нужный момент, – просяще протянул Августин. – Я ведь не такой засранец, чтобы такого шкеда как ты брать на серьёзное дело.

– Марк и Карл не намного меня старше, – поджал губы Лука. – Но их-то ты совсем не гнушаешься втягивать в свои проблемы.

– А мы можем за себя постоять, – расплылся волчей ухмылке Карл. – Правда, Марк?

– Конечно, Карл! Если бы ты мяска на свои кости нарастил, Лука, то тоже бы смог. В детстве ты неплохо так нам тумачи раздавал, особенно когда мы тебя по утрам будили.

Лука мрачно посмотрел снизу вверх на своих братьев. Нет, он для своих лет тоже не был мелок, но до высоченных близнецов ему ещё было далеко. К тому же те за последний год сильно раздались в плечах, и сейчас производили впечатление настоящих гигантов, выходя гораздо

старше своих шестнадцати лет. Сейчас он уповать на свою магию, что в принципе было не так уж и мало, если бы дело пришлось иметь с одним человеком, а не с двумя достаточно быстрыми и ловкими близнецами, совсем не готовыми стать мишенями для атакующих заклятий. Зато если дело дойдёт до драки с внешним противником, то их мускулы, коварность Ави и его магия стали бы большим преимуществом... Юный маг затряс головой, вытряхивая ненужные и глупые мысли.

– Ну уж нет! Вы тут без меня разбирайтесь.

Он уже почти вышел из комнаты, как был остановлен тягучим, полным снисходительной насмешки голосом Августина.

– Ну ты же не хочешь, чтобы я показал **это** матушке, или, тем паче, Лавелю. Что о тебе подумает наш добродетельный братец?

– А Лавель тут причём? – раздражённо спросил Лука, поворачивая голову, и замер, так и не опустив ногу на землю. В руках Августина трепыхалась кукла Луиза. Не просто безвольно болталась, нет – она двигалась и пыталась вырваться, зло щеря беззубый кукольный рот.

– И что, живой куклой хотите кого-то удивить? – пытаюсь скрыть за равнодушием свой ужас, спросил маг. Нет, его братья не разбирались в магии, они не могут понять, что перед ними бывший тёмный магистр Гохр, поднятый его некромантическим заклинанием, а не обычный для магов научный эксперимент.

– А что, никто не удивится? – вскинул брови Августин.

– Неа. Обычный гомункулоз. Сделал его в рамках домашнего задания.

– Может быть, проверим? Можно поджечь куклу и пустить её бегать по коридору. Вот веселье то будет, – захихикал Карл, будущий великий генерал Гортензы. Мда, с таким главным командующим у их армии явно нет шанса.

Тобиас Гохр, застрявший в теле куклы Луизы, довольно громко заскулил, отчаянно глядя на своего ученика, и Лука понял, что бывший магистр сейчас ляпнет что-то такое, после чего ему нужно будет или самому сдаваться клирикам, или же избавляться от свидетелей здесь и сейчас. Последний радикальный вариант чем-то даже привлекал Луку, уж слишком его достали близнецы и скользкий, как угорь, Ави, но он явно понимал, что для братоубийства он как-то... недостаточно тёмный, что ли? Ну в общем, не мог он так. Да и куда трупы потом девать? Гохру то потом всё не скормишь.

– Ладно, ваша взяла.

Обменявшись всеми нужными обещаниями (и угрозами, конечно же), Лукреций наконец получил дрожащую от пережитого страха куклу обратно, и в самом препоганейшем настроении отправился в свою комнату.

– Я их всех сожру, – сквозь плаксивые хлипы бормотал Гохр писклявым голосом, а Лука успокаивающе гладил его по тряпичной спине. – Я их... эх, почему я больше не маг! Это всё ты, подлый мальчишка, виноват!

– Да, да, магистр, вы правы, нужно было отдать вам моё тело, тогда у вас было бы меньше проблем. Жаль, что я так эгоистичен, и не хочу лишаться жизни. Но почему вы не могли сидеть тихо и не показывать своё магическое происхождение?

Кукла попыталась ударить его своим тряпичным кулачком.

– Ты бы слышал, что они хотели со мной сделать, когда нашли! Я должен был сопротивляться! Кстати, знаешь, что они за твоей спиной говорили? Если бы мои родичи смели бы такое обо мне злословить, я бы мстил им самой жестокой мезтью. Может, ты их это, а?

Кукла умильно заглянула в глаза-пуговицы в хмурые глаза Луки.

– Я не буду их "это", да и мезть подождёт. А теперь заткнитесь, магистр, и сделайте вид, что вы всего лишь кукла. В моей комнате явно кто-то есть.

В спальне, которую младший Горгенштейн делил с близнецами, сидел приснопамятный Лавель собственной персоной. Увидев Луку, он взволнованно вскочил с узкой деревянной кровати.

– Лука, я тебя всюду ищу... Ты... а это что за чудовище?! Уж не кукла ли Кристи?

– Она самая. И давай без вопросов. Мне уже насмешек от Марка и Карла хватило, – пробурчал Лук, запихивая Луизу в сундук и навешивая для надёжности охранное заклинание поверх замка, взломанного, очевидно, одним из его поганых родственников. Нет, нужно точно съезжать! – А я тебя, напротив, в твоей комнате искал, но наткнулся на Ави и близнецов. Поговорить нужно.

– Ага, – вздохнул священник и вновь уселся, скрестив ноги и сторбившись. – Лукреций, что у тебя там с Бромелем происходит?

– А что? – вскинул тёмные брови маг.

– Меня буквально пару дней назад намекнули, чтобы я перевёлся служить в собор Восшествие, под непосредственное руководство епископа. Это, конечно, большая честь, но у меня ощущение, что вокруг моей шеи затягивается верёвка, притом всё плотнее и плотнее. И я думаю, что дело в тебе. Слишком уж часто Его Святейшество интересуется тобой и твоими успехами. Мне это совсем не нравится, Лука.

– Я думал, у тебя хорошие отношения с Бромелем и ты ему доверяешь, – осторожно сказал Лука, внимательно следя за реакцией священника. Поэтому от него не ускользнуло, сколь тревожно тот поморщился, услышав о доверии.

– Он... я ему многим обязан, как и ты. Но повертевшись немного в церковных кругах, я понял, что епископ не такой уж бескорыстный и добрейший человек, как я думал, – осторожно произнёс Лавель.

– Подонок ещё тот. И он схватил нас обоих за яйца, – кивнул Лука. – Ты иногда бываешь таким наивным, Лавель.

– Тогда ты должен понимать, как он опасен, – вскинулся священник. – Скажи, ты знаешь, что ему от тебя нужно?

У юного колдуна были какие-то догадки, но пока он не получил доказательства, он не хотел о них говорить.

– Пока точно не знаю, но мне кажется, кое-кто может знать больше о планах Бромеля. Ты знаком с Йоханом Шварцом?

Лавель нахмурился.

– Очень шапочно. О Шварце мало что известно.

– Как ты думаешь, Шварц может работать на Бромеля?

– Едва ли, епископ его терпеть не может, хотя на званые вечера регулярно зовёт. А тот регулярно не ходит. И Шварц поплатился бы за наглость, если бы не защита его покровителя, архиепископа Вараввы. А Варавва отнюдь не простой человек, входящий в ближайший круг Папы и... О!

Глаза Лавеля потрясённо распахнулись.

– Что?! – тут же оказался рядом с ним Лука.

– Варавва. Он как бы тебе сказать – нечто вроде тайного дознавателя нашего благословенного Папы. Тот всегда его использует для решения внутренних проблем Церкви – подчас весьма щекотливых и скандальных, а иногда и опасных. Таких, которые могли бы привести нашу святую Церковь Иеронима к расколу или уничтожению. Поэтому Варавва весьма влиятелен, но не слишком любим в церковной среде. Кому бы хотелось, чтобы в его дела совали нос? К его ставленникам тоже относятся соответствующе – потому что каждый из них глаза и уши архиепископа. У Бромеля есть и свои причины не любить твоего Шварца – говорят, раньше он полностью контролировал Орхан, что при его неприязни к магам явно не улучшало обстановку в школе. Прежний священник, человек епископа, приставленный к школе, говорят

был широко лютым и нетерпимым к инакомыслию, поэтому и не ладил он ни с руководством, ни со студентами. А ещё, уж не знаю, что он там такое сделал, но из-за него, как молвят слухи, лет семь назад погибло трое учеников. Вот и заменили фанатичного служку на Шварца, священника достаточно молодого (ему едва минуло тридцать лет), обладающего широтой взглядов, а самое главное совершенно независимого от местного церковного руководства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.